

1-2 (37-38)
2021

Пензенское краеведение

- Дневник
Николая Васильевича Калачова
- Пензенские подземелья
- С именем Белинского

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести»

За значительный вклад жителей городов в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность присвоить почетное звание Российской Федерации «Город трудовой доблести» г. Барнаулу, г. Каменску-Уральскому, г. Кирову, г. Коломне, г. Комсомольску-на-Амуре, г. Красноярску, г. Магадану, г. Пензе, г. Рыбинску, г. Северодвинску, г. Тюмени, г. Чебоксары.

Президент
Российской Федерации В. Путин

Москва, Кремль
20 мая 2021 года
№304

Пензенское краеведение

Научно-популярный журнал

Редакционный совет:

Первушкин Владимир Иванович,
главный редактор

Власов Вячеслав Алексеевич,
редактор школьного отдела

Кашаев Павел Вячеславович,
*редактор отдела «Родная старина»,
«Точка на карте области»*

Лебедева Лариса Витальевна,
*редактор отдела «Личность
в пензенском краеведении»*

Горланов Геннадий Елизарович,
*редактор отдела
«Пенза – моя вдохновительница»*

Мурашов Дмитрий Юрьевич,
*редактор отдела
«Культурное наследие»*

Кайманова Татьяна Александровна,
*редактор отдела
«Здравствуйте, я ваш экскурсовод!»*

Самсонов Владислав Юрьевич,
*редактор отдела
«Тайны, находки, открытия»*

Сиротин Олег Владимирович,
технический редактор

Мясоедов Евгений Сергеевич,
ответственный секретарь

Ягов Олег Васильевич,
заместитель председателя

Правительства Пензенской области

№1-2 (37-38)
2021

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Региональная общественная организация
краеведов Пензенской области

© Региональная общественная организация
краеведов Пензенской области

Адрес редакции:

440026, г. Пенза, ул. Белинского, 10;
e-mail: kraeved-pnz@mail.ru

На первой странице обложки:

*Памятный знак у завода «Пензмаш». Реактивная
установка БМ-13 «Катюша».*

На второй странице обложки:

*Указ Президента Российской Федерации «О присвоении
почётного звания “Город трудовой доблести”» №304
от 20 мая 2021 г.*

На третьей странице обложки:

*1. Актовая запись о рождении Г.В. Мясникова в книге
актовых записей о рождении по Коповскому сельсовету
Керенского уезда Пензенской губернии. Из фондов ГАПО;
2. Г.В. Мясников, С.О. Шмидт и Е.А. Крючкова. Пенза,
1991 г. Из фондов ПГКМ; 3. Г.В. Мясников – студент
Московского торфяного техникума. Из фондов ГАПО;
4. Г.В. Мясников с поэтом Е.А. Евтушенко и с директором
Государственного Лермонтовского музея-заповедника
«Тарханы» В.П. Арзамасцевым. С. Лермонтово, 1982 г. Из
фондов ПГКМ; 5. Первое издание книги Г.В. Мясникова «Город-
крепость Пенза» с дарственной надписью музею В.О.
Ключевского. Из фондов ПГКМ; 6. Участники Всесоюзной
конференции, посвященной В.О. Ключевскому, около крыльца
мемориального дома. Пенза, 1991 г. Из фондов ПГКМ;
7. Отрывки из дневниковых записей Г.В. Мясникова.*

Содержание

Личность в пензенском краеведении

В.И. Первушкин
«ИСТИННЫЙ ПОДВИЖНИК» – ГЕОРГ ВАСИЛЬЕВИЧ МЯСНИКОВ 3

В.И. Первушкин, С.А. Никушкин

ДРУГ, КОЛЛЕГА, КРАЕВЕД

Родная старина

Д.Ю. Мурашов

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НИКОЛАЯ КАЛАЧОВА

Т.В. Устимкина

СОБОРУ БЫТЬ

Д.В. Суетин

СЕМЕЙНОЕ ФОТОАТЕЛЬЕ МАТВЕЕВЫХ В ЧЕМБАРЕ

Л.М. Руднева

ПРИОТКРЫВАЯ ВРЕМЕНИ СТРАНИЦЫ...

(музей В.Г. Белинского в годы Великой Отечественной войны).....

Культурное наследие

Т.Ю. Новинская

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ В.Г. БЕЛИНСКОГО
«ДМИТРИЙ КАЛИНИН» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА.....

Т.В. Устимкина

НАШ ЗЕМЛЯК НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

Ю.С. Лубошников

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ

А.Г. Сохряков

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПЕСНИ И ОБЫЧАИ

МОРДВЫ-МОКШИ НАРОВЧАТСКОГО РАЙОНА

Тайны, находки, открытия

Д.Ю. Мурашов

ДНЕВНИК НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА

В.Ю. Кладов

ПЕНЗЕНСКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В.Ю. Самсонов

ПЕНЗЕНСКИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ. (Продолжение. Начало в №1 2014 г. и №3 2016 г.).....

А.Н. Соболев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ

М.Л. Савина

У ДОСКИ И ЗА СТАНКОМ

С.Е. Мещерякова

ЭВАКУИРОВАНЫ В ПАЧЕЛМУ

И.Ф. Шувалов

С ИМЕНЕМ БЕЛИНСКОГО (к 80-летию со дня открытия

Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского).....

Е.Ю. Ягодина

БУНИНЫ, САВРАСОВЫ МОКШАНСКОГО УЕЗДА... ..

Советуем почитать

В.И. Первушкин

М.С. ПОЛУБОЯРОВ. «НИЗОВЫЕ ГОРОДА РОССИИ»

МОНОГРАФИЯ А.А. ТИМАКОВОЙ И Г.В. ПРАНЦОВОЙ

«ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЗЕМЛЯКОВ

(РАСШИРЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ РЕГИОНА)».....

Сведения об авторах 80

**ЛИЧНОСТЬ
В ПЕНЗЕНСКОМ
КРАЕВЕДЕНИИ**

В.И. Первушкин

**«ИСТИННЫЙ ПОДВИЖНИК» –
ГЕОРГ ВАСИЛЬЕВИЧ МЯСНИКОВ**

22 марта 2021 г. исполнилось бы 95 лет Г.В. Мясникову – советскому партийному, государственному и общественному деятелю, который на протяжении нескольких десятилетий являлся лидером пензенского краеведения.

Он родился в д. Коповка Керенского уезда Пензенской губернии. Его предками по отцовской линии были крестьяне и служилые солдаты. По данным собственных исторических изысканий Г.В. Мясникова, это русские служилые солдаты, являющиеся его пращурами, впервые появились на территории Пензенского края ещё в 1646 г., основав село Котёл (ныне – Вадинского района Пензенской области); кроме того, род Мясниковых фигурировал в Строельной книге города Пензы как один из основателей города в 1663 г. Предки по материнской линии были священнослужителями в Пензенской губернии.

Отец Георга скончался, когда ему исполнилось полтора года. От бедной деревенской жизни в 1933 г. семья переезжает в Подмосковье, на Орехово-Зуевское торфопредприятие.

В 14 лет он поступил учиться в Орехово-Зуевский торфяной техникум. Великая Отечественная война прервала учебу. Георг стал добывать торф на предприятии, где работала мать. Когда в войне наступил окончательный перелом, он возвращается в техникум, а в мае 1944 г. его избирают

*Г.В. Мясников – второй секретарь
Пензенского областного комитета
КПСС. Из фондов ГАПО.*

секретарем комитета ВЛКСМ Московского торфяного института. В декабре 1945 г. Г.В. Мясникова направляют на учебу в Московскую комсомольскую школу, после окончания которой он начал работу в Московском городском комитете комсомола, занимая различные должности. С сентября 1955 г. наш земляк стал слушателем Высшей партийной школы при ЦК КПСС. После её окончания он трудился в

*Пленарное заседание Всесоюзной конференции, посвященной В.О. Ключевскому.
Пенза, 1991г. Из фондов ПГКМ.*

*Д.С. Лихачёв, Г.В. Мясников, Р.М. Горбачёва на заседании
Советского фонда культуры. Москва 1988 г. Из фондов ПГКМ.*

Г.В. Мясников на открытии экспозиции «Пензенский край в годы Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и восстановления народного хозяйства» в Пензенском областном краеведческом музее (ноябрь 1975 г.). Из фондов ГАПО.

Открытие мемориальной доски Г.В. Мясникову на здании музея одной картины. Пенза, 2002 г. Из фондов ПГКМ.

Московском городском комитете партии, а мае 1961 г. его утверждают инструктором отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР. Однако уже в сентябре его направляют в Пензенскую областную партийную организацию, где его избирают вторым секретарем и членом бюро Пензенского обкома КПСС. На этом посту он оставался до декабря 1986 г., когда был освобожден в связи с переходом на работу первым заместителем председателя Советского фонда культуры. Дальнейшая его судьба была связана с этим фондом.

Пенза для Мясникова была и родным городом, и своеобразной «ссылкой». Он принадлежал к немногочисленной группе партийных деятелей – «комсомольцев», возглавлявших ЦК ВЛКСМ и московский комсомол в военные и первые послевоенные годы (А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный и другие). В 1964 г. они сыграли ключевую роль в организации отставки Н.С. Хрущева. При Брежневе путь «комсомольцам» на высшие посты был закрыт: «не умеют гнуть спины». Поэтому творческий потенциал своих самых плодотворных лет жизни Мясников отдал Пензе¹.

Георг Васильевич много сделал для развития физкультуры и спорта, культуры и воспитательного процесса. По его инициативе были созданы школы олимпийского резерва по прыжкам в воду и хоккею с шайбой, школа высшего спортивного мастерства, открыты подростковые клубы по интересам. Он был инициатором строительства стадиона «Темп», Дворца водного спорта, Тропы здоровья в парке им. В.Г. Белинского.

Но особое внимание Г.В. Мясников уделял краеведению. Благодаря ему было открыто много музеев, таких как, музей А.И. Куприна в Наровчатке; А.Г. Малышкина в Мокшане; в Пензе – сценического искусства им. В.Д. Мейерхольда; историка В.О. Ключевского; советского нейрохирурга Н.Н. Бурденко; одной картины, литературный, музей народного

творчества. По инициативе Мясникова Пензенский обком КПСС начал создание краеведческих музеев воинской и трудовой славы на предприятиях и в организациях области (заводах, фабриках, колхозах, административных учреждениях), в учебных заведениях (школах, техникумах, институтах). Всего таких небольших музеев в регионе появилось около 650.

Второй секретарь обкома активно участвовал в создании памятников воинам, уроженцам Пензенской области, погибшим в годы Великой Отечественной войны, в их число входит известный всем пензенцам Монумент воинской и трудовой Славы. Благодаря его активной деятельности был создан памятник «Первопоселенец», «Пугачевский» камень, бюст поэту Денису Давыдову, Тамбовская и Московская заставы, модель Башенных часов «Кукушка» в Пензе; мемориалы: в честь поэта Александра Блока в Кольшлейском районе; русского писателя Михаила Загоскина в Мокшанском районе; бюсты: писателя и философа Александра Радищева в Кузнецке, Героя Советского Союза, защитника Брестской крепости Андрея Кижеватова в Бессоновском районе; памятник «Старик Хопер» в Пензенском районе; Сторожевая башня с бревенчатым частоколом на Мокшанском валу в Мокшанском районе и многие другие историко-культурные сооружения.

Сегодня нам только остаётся удивляться, как при огромной административной загруженности Георг Васильевич смог написать великолепную книгу «Город-крепость Пенза». Хочу подчеркнуть, что на сегодняшний день такого масштабного исторического произведения о Пензе не написал никто.

Закончить свой рассказ о Георге Васильевиче мне хотелось бы цитатой из интервью журналу «Наше наследие» непревзойденного авторитета в области краеведения С.О. Шмидта: «Когда-то пример всему Советскому Союзу в деле

исследования родного края, возрождения местных традиций, установки памятников знаменитым землякам и т.д. подавала Пензенская область. Делалось это во многом благодаря Г.В. Мясникову, одному из областных руководителей, истинному подвижнику»².

Примечания

1. Мясников Г.В. Страницы из дневника (1964–1992). М., 2008. С. 2.
2. Леонов С.Б. Речь идет о сохранении России (интервью с С.О. Шмидтом)// Наше наследие. 2005. №74.

В.И. Первушкин, С.А. Никушкин

ДРУГ, КОЛЛЕГА, КРАЕВЕД

5 апреля 2021 г., на 65 году жизни скончался наш друг и коллега, краевед, заслуженный работник культуры Пензенской области Владимир Николаевич Зименков. Он внёс значительный вклад в изучение истории Пензенского края, сохранение его культурно-исторического наследия. В течение 15 лет он возглавлял Пензенский государственный краеведческий музей.

В.Н. Зименков родился 7 мая 1956 г. в с. Терновка Пензенского района Пензенской области (ныне Первомайский район г. Пензы). В 1974–76 гг. служил в Советской армии. В 1982 г. окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. На протяжении нескольких лет, до 1985 г., работал учителем в средней школе №20 г. Пензы. По рекомендации В.И. Первушкина, 26 февраля 1985 г. его приняли заведующим отделом истории советского периода Пензенского государственного объединенного краеведческого музея; с этим учреждением в дальнейшем будет связана почти вся профессиональная деятельность В.Н. Зименкова.

Через год Владимира Николаевича назначают заместителем директора по научной работе. Но спустя 8 лет, из-за разногласий с новым руководством музея, был вынужден его покинуть. Руку помощи в столь непростой ситуации ему протянули тогда В.П. Сазонов и О.А. Иванчикова, пригласившие трудиться в Картинную галерею им. К.А. Савицкого. «Все, в том

числе и я, – вспоминал В.Н. Зименков, – думали, что эта работа будет для меня временной, подыщу что-то, более соответствующее своему профилю, отблагодарю руководство и коллектив за то, что приютили меня в трудную минуту, и уйду. Но всё оказалось по-другому, проработал я в Картинной галерее до осени 2000 г.»¹.

Владимир Николаевич всегда с большой теплотой отзывался о В.П. Сазонове, считал его, пожалуй, одним из самых важных людей в своей жизни: «Валерий Петрович был для меня не только начальником, но и старшим товарищем. Я рано потерял отца, и он восполнил мне в тактичной для него манере то общение со старшим, более умным, более опытным наставником, которого мне не хватало. Он всегда относился к членам коллектива доброжелательно и готов был вместе с Ольгой Александровной Иванчиковой в любую минуту прийти на помощь. Считаю, что все, чему я научился у них, очень помогло мне, когда я стал руководителем краеведческого музея. Главное – это доброжелательное отношение к людям, доверие к ним, умение поручить сотруднику именно то дело, которое он сможет выполнить с удовольствием и лучше других»².

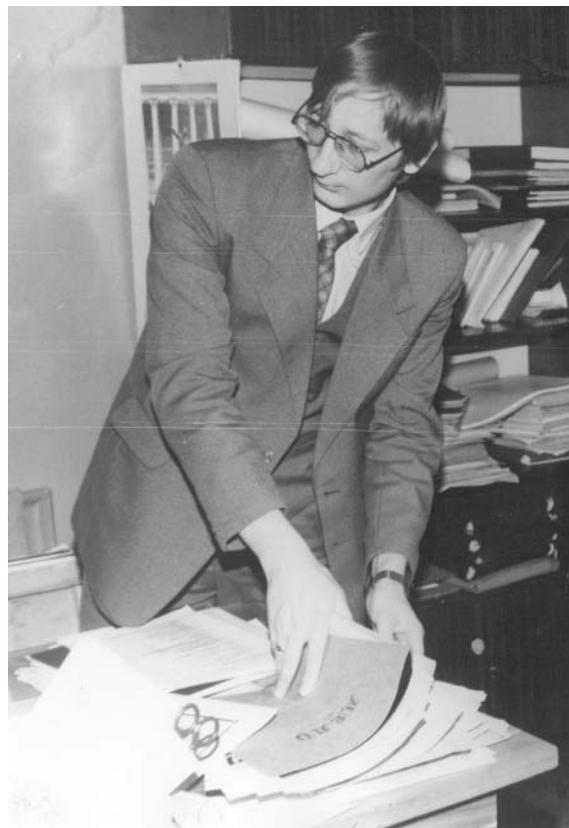
В галерее, в должности учёного секретаря В.Н. Зименков проработал с 1994 по 2000 гг.; затем на протяжении нескольких лет являлся старшим преподавателем кафедры «История» Пензенского государственного университета. 19 мая 2003 г. он

Пензенское краеведение №1-2 (57-58) 2021

был назначен директором Пензенского государственного объединенного краеведческого музея. Его руководителем он оставался вплоть до 2019 г., до перехода на должность заведующего архивом музея.

В.Н. Зименков много сделал для популяризации краеведческих знаний, часто выступая в средствах массовой информации: теле- и радиопередачах, на страницах газет. Он принимал активное участие в организации и проведении целого ряда крупных научно-практических конференций всероссийского и международного уровня, занимался редакторской работой³. Он стоял у истоков и активно участвовал в работе Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, был редактором отдела «Музейная мозаика» журнала «Пензенское краеведение», подготовке вышедшего в 2018 г. туристического путеводителя по Пензенской области, входил в редколлегию 2-го издания «Пензенской энциклопедии». Будучи членом геральдической комиссии при Губернаторе Пензенской области, в 2006–2007 гг. принимал активное участие

*Учёный секретарь Пензенской картинной галереи. 1998 г.
Фото из архива семьи Зименковых.*

в разработке символики районных центров и районов Пензенской области.

*В.Н. Зименков в рабочем кабинете.
Краеведческий музей 2017 г.
Фото из личного архива В.И. Первушкина.*

Разумеется, значительную часть жизни в центре внимания В.Н. Зименкова находился Пензенский краеведческий музей. Он всегда болезненно относился к произошедшему на практике превращению подобных учреждений из научно-просветительских в культурно-досуговые. При этом в своём музее он старался не допускать полного исключения научно-исследовательской работы и поощрял научную и архивную работу сотрудников. Он настаивал на необходимости проведения ежегодной отчётной научной конференции сотрудников музея, указывая

В.Н. Зименков и В.И. Первушкин на Пензенском Спасе. Фото 2018 г.

при этом, что, являясь учреждением культуры, на практике музей занимает скорее пограничное положение между культурой и наукой. Научные исследования в такой ситуации – основа всех направлений музейной работы. Без них невозможны ни комплектование фондовых коллекций, ни создание экспозиций и выставок, ни разработка лекций, экскурсий и сценариев массовых мероприятий.

Он всегда, в том числе и в выступлениях в СМИ, подчеркивал, что музей – не учреждение сферы услуг, и он не может ставить своей целью исключительно зарабатывание денег. Государство, по его мнению, должно уделять внимание и оказывать поддержку музеям, играющим значительную роль в патриотическом воспитании молодежи. «Хочу отметить, – говорил он в интервью сетевому изданию “Пенза-онлайн”, что, прежде всего, музей – это идеологическое учреждение. Мы являемся проводниками политики Правительства области и государства. Раньше в музее принимали в пионеры, здесь устраивали проводы в армию... Зрелищные

площадки могут зарабатывать. У нас с этим сложнее. <...> Полностью обеспечить себя самостоятельно мы не сможем. Во всех странах мира музеи содержат государство»⁴.

В.Н. Зименков понимал, что дальнейшее развитие музея, без улучшения его материальной базы невозможно: «Мы понимаем, что музей на таком фоне не должен выглядеть слабо. Нам нужен капитальный ремонт. Эта проблема стоит давно. К тому же мы “выросли” из данного здания. Наши фонды ежегодно растут, нам требуется для них все больше места. И помещение музея, пусть даже капитально отремонтированное, не решит проблему нехватки площадей»⁵. Будучи профессионалом в музейной работе, он видел не только внешнюю, ориентированную на посетителей сторону музея, но и внутреннюю его сторону, своеобразный фундамент – фондовое собрание: «Желательно построить отдельное здание для хранения фондов, как это принято в крупных музеях. Фонды музея составляют более 130 тысяч единиц хранения.

Среди них есть уникальные коллекции. Представляете? И всё это надо хранить. Желательно не в приспособленных шкафах, а с использованием специального современного музейного оборудования»⁶.

Административная работа, руководство крупным учреждением культуры, конечно, были серьёзным препятствием научной деятельности В.Н. Зименкова. Тем не менее, его перу принадлежит свыше 30 научных публикаций по истории пензенского краеведения и развития музейного дела. Причем обе эти темы для него были тесно связаны. На примере Пензенского краеведческого музея с момента его образования до настоящих дней, – писал он, – можно проследить основные этапы культурного строительства и краеведческого движения в нашей стране»⁷. Музей, его история, ключевые аспекты и направления деятельности в работах В.Н. Зименкова, разумеется, занимают центральное место. Но сфера его научных интересов гораздо шире: музей в ней является своеобразной отправной точкой, а дальше, как круги по воде расходятся от этой центральной темы связанные с ней проблемы. Прежде всего, это различные аспекты деятельности Пензенского общества любителей естествознания (ПОЛЕ) и виднейших его членов, становление региональной музейной сети и история ботанического сада.

Статьи В.Н. Зименкова, написанные на основе изучения и обобщения обширной документальной базы, используются и, несомненно, ещё долго будут востребованы при подготовке обобщающих работ по данной тематике. Тем не менее, мы можем с горечью говорить, что именно научная работа его осталась незавершённой. Так и не законченной оказалась кандидатская диссертация, посвящённая, разумеется, истории ПОЛЕ и музея. Перейдя в 2019 г. на должность заведующего архивом, Вла-

димир Николаевич получил, наконец, свободное время и возможность продолжить свою научную работу; в планах его было, в частности, обобщить и систематизировать богатейший научный архив музея. К сожалению, болезнь и скорый уход не дали этим планам осуществиться.

Примечания

1. *Зименков В.Н.* Умный наставник // Вспоминая Валерия Сазонова... Пенза, 2017. С. 101–102.

2. Там же. С. 102.

3. В.Н. Зименков был редактором следующих сборников: «Из истории области. Очерки краеведов». Саратов-Пенза, 1989–1992. Вып. I–III; «В.О. Ключевский и современность. Тезисы докладов на Всероссийских научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка». Пенза, 1991; «Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии. Межвузовский сборник научных трудов». Пенза, 1992; «Новые страницы истории Отечества: Межвузовский сборник научных трудов». Пенза, 1992; «Проблемы культуры и демографии Поволжья: Межвузовский сборник научных трудов». Пенза, 1995; «Ключевский. Сборник материалов». Пенза, 1995. Вып. I.

4. Пенза-онлайн: сайт. URL: https://penza-online.ru/novost/kultura/vladimir_zimenkov_muzei_ideologicheskoe_uchrezhdenie(дата обращения: 18.04.2021).

– Текст: электронный

5. Там же.

6. Там же.

7. *Зименков В.Н.* Архив Пензенского краеведческого музея как источник по изучению истории культуры края // Лингвистическое, историческое и литературное краеведение. Памяти А.Н. и Б.Н. Гвоздевых посвящается. Пенза, 1997. С. 97–98.

РОДНАЯ СТАРИНА

Д.Ю. Мурашов

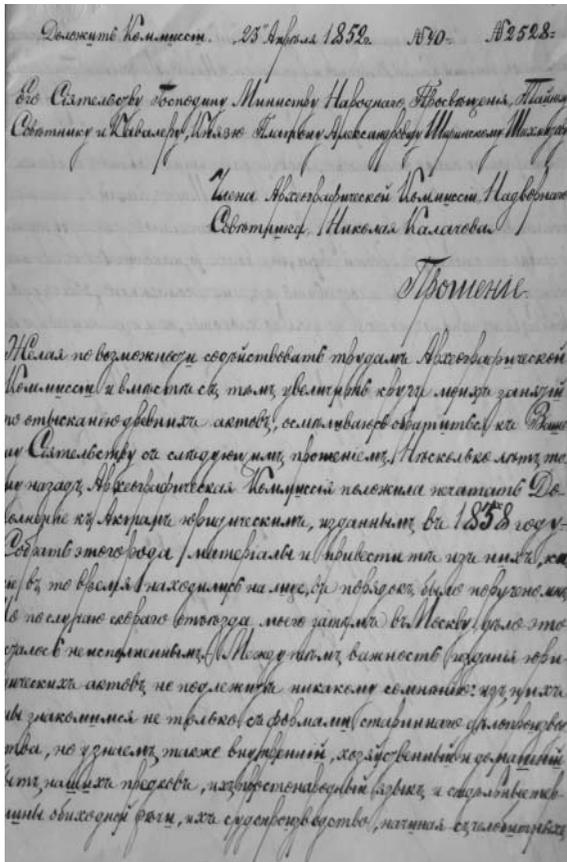
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НИКОЛАЯ КАЛАЧОВА

В 2020 г. в № 3-4 нашего журнала была опубликована обширная статья В.И. Первушкина «Н.В. Калачов – незаслуженно забытый учёный», которая познакомила читателя с вехами биографии учёного. Сегодня мы знакомим читателя с новыми материалами, извлечёнными М.Ю. Мурашовым из фондов Государственного архива Саратовской области.

Общеизвестно, что после успешного окончания юридического факультета Московского университета Николай Васильевич Калачов по рекомендации Михаила Петровича Погодина, в те годы одного из самых уважаемых русских историков, был зачислен в Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения. Комиссия собирала и публиковала исторические документы. К моменту появления в ней Калачова (октябрь 1840 г.) она собрала и выпустила том «Актов юридических» (1838) и четыре тома «Актов, собранных в библиотеках и архивах Российской империи» (1836). «Собирать этого рода материалы и привести те из них, какие в то время находились налице, в порядок было поручено мне», – вспоминал Николай Васильевич¹. В этой деятельности он преуспел: в сентябре 1841 г. Археографической комиссией была объявлена ему благодарность «за пожертвование [...] тридцати столбцов, заключающих в себе древние

грамоты и юридические акты»². Эта благодарность была доведена до министра просвещения Российской империи. Служба в комиссии, указывал биограф Калачова А.В. Смирнов, хорошо научила его «разбирать старинные почерки» и пробудила «наклонность к отысканию древних материалов для отечественной истории и права»³. Смерть отца прервала занятия Николая Васильевича в Археографической комиссии. Он ушёл с государственной службы и, как старший в роде, погрузился в хозяйственные дела обширных имений⁴.

В октябре 1846 г. Калачов вернулся в Археографическую комиссию и, став к тому времени магистром гражданского права (он защитил диссертацию по «Русской Правде»), в 1848 г. одновременно со службой в комиссии занял должность адъюнкта или, иначе говоря, младшего научного сотрудника кафедры истории российского законодательства Московского университета. Однако карьера Н.В. Калачова двигалась не в университете, а в Археографической комиссии. За работу в ней он получал благодарности императора и чины: 1847 г. – титулярный советник, 1851 г. – надворный советник, 1853 г. – коллежский советник⁵. Преподавание в университете (в 1850 г. Николай Калачов стал экстраординарным профессором Московского университета) уступало собиранию древних актов.

Прошение Н.В. Калачова
об археографическом путешествии,
1852 г.

Страсть к ним, а также понимание их важности для развития науки побудила Калачова, которому исполнилось тридцать три года, обратиться к министру просвещения с просьбой разрешить ему «археографическое путешествие» по Российской империи с целью собрать, а затем и опубликовать собранные юридические акты в книге⁶.

Николай Васильевич писал в прошении министру: «Важность издания юридических актов не подлежит никакому сомнению: из них мы знакомимся не только с формами старинного делопроизводства, но узнаём также внутренний, хозяйственный и домашний быт наших предков, их простонародный язык и отдельные термины обиходной речи, их судопроизводство, начиная с челобитных и приговоров земских, судских и тиунов, со всеми его подробностями до окончательных решений князей великих и удельных и царей

Московского государства. Словом, акты юридические представляют нам возможность на основании их начертать верную и полную картину частного быта древней России»⁷.

Путешествие было разрешено, и в 1852–1854 гг. Николай Калачов за *собственный счет* его совершил. Он объехал ряд губерний Европейской России, включая Пензенскую.

В донесении министру просвещения Аврааму Сергеевичу Норову, Николай Васильевич так описывал своё путешествие в Пензенской губернии: «В губернии Пензенской я нашёл значительное число актов до Петра Великого в архивах уездных судов Инсарском и Мокшанском. В этих обоих архивах древнейшие акты относятся к шестидесятым годам XVII столетия, но как об городе Инсаре известно, что он основан лишь около 1648 г., а Мокшан построен еще позднее, то в числе означенных актов есть такие которые почти современны началу этих городов. Об архиве Инсарского уездного суда, заключающем в себе до 270 старинных документов, должно сверх того заметить, что находящиеся в нём древние акты большею частью превосходно сохранились, между тем как в архиве уездного суда Мокшанского почти все акты попорчены от сырости. Документы первого из этих архивов рассмотрены мною во всей подробности, некоторые из них (исторического содержания) доставлены мною в списках в Археографическую комиссию при донесении от 17 октября 1853 г., другие (юридического содержания) также в списках оставлены мною у себя для предполагаемого “Дополнения к актам юридическим”. Акты Мокшанского архива не могли быть рассмотрены столь подробно; впрочем, из числа этих актов я также успел с некоторых снять копии. Из других городов Пензенской губернии я объехал уезды Саранский и Городищенский, но более с целью посетить тамошних частных владельцев документов, нежели для

осмотра архивов этих городов, ибо от местных чиновников получил сведение о Саранске, что он несколько раз горел, причём и архивы присутственных мест истреблены огнём, а о Городище, что он город новый и в своих архивах не имеет документов древнего времени. Надежда моя на отыскание древних актов в фамильных архивах здешних помещиков оправдалась получением от некоторых из них столбцов юридического содержания [...] Прочие документы в числе 20 были осмотрены мною на месте и были возвращены без снятия с них списков, как не заключающие в себе ничего замечательного. Не останавливаясь на перечислении актов, рассмотренных мною, таким образом и архивов, где они хранятся, считаю однако упомянуть об архиве помещика Д.И. Либенау, в котором я встретил несколько исторических материалов, представленных мною в Археографическую комиссию при донесении от 12 декабря 1853 г., и большое количество актов юридических. Из числа этих последних 53 мною сняты и представлены в свое время в Археографическую комиссию вместе с другими списанными мною актами юридического содержания. Сверх того г. Либенау подарил мне 9 старинных рукописей [...]»⁸.

Находки документов в Инсарском уезде оказались впечатляющими и, опираясь на них, Николай Калачов написал «Заметки статистические и археологические об Инсаре и его уезде». Они были опубликованы в 1855 г. в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России»⁹. Заметки состояли из трёх частей. Первая часть «Очерк нового Инсара и его уезда. Обряды, обычаи и поверья русских и мордвы»; вторая – «Древний Инсар и Инсарская черта с их укреплениями и остатками старины»; третья – «Инсарские воеводы и управление городское и уездное до Петра Великого». В «Заметках» Калачов описывает и часть поместья Дмитрия Ивановича Либенау – его поташный

II.
ЗАМѢТКИ
(СТАТИСТИЧЕСКІЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ)
ОБЪ
ИНСАРЪ И ЕГО УѢЗДЪ.
—
СОЧИНЕНІЕ
Н. В. Калачова.

*Сочинение Н.В. Калачова
об Инсарском уезде, 1855 г.*

завод, табачную фабрику, маслобойню и круподранку¹⁰. Дмитрий Либенау имел неоднозначную репутацию (в Государственном архиве Пензенской области, например, сохранилось дело «Об инсарском помещике, коллежском регистраторе Д.И. Либенау и его безнравственной жизни»)¹¹, но это мало волновало Калачова. Ему был важен архив Либенау, а не он сам.

В поисках старинных грамот Николай Васильевич проехал Кузнецкий и Сердобский уезды Саратовской губернии (сегодня их часть входит в Пензенскую область). Больших открытий (в их пензенской части) он не совершил, но ряд интересных документов нашёл. Так сердобский помещик Иван Петрович Юматов, сын ветерана войны 1812 г. Петра Ивановича Юматова, предоставил Калачову: «Около сотни актов весьма разнообразного, но исключительно юридического содержания. Касаясь преимущественно фамилии Юматовых, а по местности относясь к

губерниям Владимирской, Пензенской и Саратовской, они заключаются в выписях из писцовых и отказных книг, в записях данных рядных, раздельных, поступных, меновых, мировых, в челобитных, грамотах о справе и отказе имений, грамотах послушных или ввозных, выводных и разных платежных отписях»¹².

Археографическое путешествие Николая Васильевича Калачова по губерниям России имело большое научное значение. В ходе него он собрал много исторических документов, важных для изучения истории нашей страны. Они были опубликованы в издаваемых им сборниках «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России» и «Актах, относящихся до юридического быта Древней Руси». Познакомиться с этими изданиями можно на официальном сайте Российской государственной библиотеки. В оцифрованном виде они находятся в свободном доступе.

Примечания

1. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 408. Оп. 2. Д. 629. Л. 7.
2. Там же. Д. 625. Л. 1 (формулярный список Н.В. Калачова, 1855 год).
3. *Смирнов А.В.* Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Владимир, 1896. Вып. 1. С. 61.
4. Там же.
5. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 625. Л. 2–6.
6. Там же. Д. 629. Л. 8.
7. Там же. Л. 7–8.
8. Там же. Л. 21–23.
9. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 37–95.
10. Там же. С. 39.
11. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3521.
12. ГАСО. Ф. 408. Оп. 2. Д. 629. Л. 16.

Т.В. Устимкина

СОБОРУ БЫТЬ

Под соборностью в самом общем смысле русская православная традиция понимает внутреннее согласие, единодушие людей, нравственный идеал сосуществования их в истине, любви к Богу и друг к другу. А потому роль собора в православной культуре трудно переоценить: он объединял, наставлял, вдохновлял, поддерживал в лихую годину, дарил веру, надежду, любовь...

До Октября главным собором Пензы был Спасский кафедральный – грандиозное православное культовое сооружение, венчавшее Соборную площадь. Он стоял на горе, осеняя город своим золотым крестом, и виден был отовсюду – с вокзала, из зареченских поселков, с ипподрома...

Его возводили почти четверть века (с 1800 по 1824 г.) «на добротные по-

жертвования с помощью от казны в... 20 000 рублей ассигнациями»¹. Он являлся великолепным историко-архитектурным памятником эпохи классицизма и включал в себя двухэтажный, с пятью золотыми куполами храм и отдельно стоявшую колокольню, построенную ещё до его возведения (в 1790–1799 гг.). Храм с колокольней объединяла открытая колоннада, впоследствии превращённая в трапезную.

ЧУДО-ФРЕСКИ

Собор был не только архитектурным украшением города, но и своеобразной картинной галереей, где по мере продвижения к алтарю в 80-ти сюжетах настенной живописи последовательно разворачивалась библейская история Ветхого и Нового Завета. Авторами великолепных

Спасский кафедральный собор. Вид с северной стороны.

Спасский кафедральный собор. Вид с южной стороны.

фресок были отец и сын Макаровы: основатель художественной школы Кузьма Александрович и будущий академик живописи Иван Кузьмич, принимавший участие в росписи храма Христа Спасителя в Москве.

НАШИ СВЯТЫНИ

В Спасском кафедральном соборе хранилась главная святыня Пензы – чудотворная икона Казанской Божией Матери, украшенная серебряной с позолотой ризой и осыпанным стразами венцом,

*Соборная площадь.
Вид с западной стороны.*

*Интерьер кафедрального собора.
Справа – штандарты народных
ополчений и Казанская икона
Божией Матери.*

под которым на ткани сияло 5 звёзд из 42 бриллиантов. Пожалованная новопоселенному граду царем Алексеем Михайловичем, по преданию во время большого Кубанского погрома 1717 г., она спасла крепость Пензу от кочевников! Ей также приписывались чудеса исцеления больных, возвращения зрения. Святыня жива и по сей день: она находится в Митрофаньевской церкви.

В соборе же хранились и штандарты пензенских народных ополчений 1812 и 1855 гг.

ЗДЕСЬ КРЕСТИЛИ, ВЕНЧАЛИ...

По воспоминаниям писателя-земляка А.С. Васильева (1921–2002), в Светлое воскресенье, когда над городом плыл благовест, на Соборной площади собирались люди, святили куличи и пасхи, а из раскрытых золоченых дверей доносилось умиротворявшее душу пение. Возле храма толпились и ребяташки, посмеива-

*Чудотворная Казанская икона
Божией Матери.*

ясь над богомолками в чёрных платочках и пытаюсь исподтишка стянуть крашеное яйцо или кусок кулича, за что получали порой вполне заслуженный подзатыльник.

В соборе крестили, венчали, отпевали и даже хоронили. Трудно представить, сколько людей прошло через его ворота, скольких осенили застывшие на них ангелы!..

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

После революции мир, погрязший в грязи и крови, захватила стихия разрушения. В Пензе в каждый красный день календаря с песнями, под гром оркестров и пламенные призывы местных вождей устраивались огненные феерии. На главной – теперь уже Советской – площади разводили огромный костёр, и в него летели пузатые муляжи классовых врагов. А люди смеялись, «ревели от восторга, видя, как корчатся в муках изверги рода человеческого. И лишь когда на месте “казни” оставался пепел, толпа

расходилась – удовлетворённая, довольная, словно она расправилась с живыми виновниками своих бедствий»².

«КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ»

В 1923 г. Спасский кафедральный собор закрыли. В 1931-м с него сняли кресты и колокола. А в 1934-м взорвали.

По свидетельству А.С. Васильева, это случилось весной. Однажды, когда он вместе с ребятами сидел в классе и писал диктант, раздалась сотрясающая землю взрывы, зловещий грохот рушащихся камней и крики людей. «Кто-то со страху полез под парту, – вспоминал писатель. – Молоденькая учительница спряталась за доску... Рванул последний, самый сильный, взрыв – на пол посыпались стёкла. Вошёл директор школы... и, не то смеясь, не то плача, сказал, чтобы никто не волновался, – это на площади военные и активисты из Союза воинствующих безбожников приступили к разрушению собора. «Какой идиотизм!» – воскликнула учительница... Директор строго посмотрел на неё, потом на класс. «Комментарии излишни. Поняли?» – сказал... и быстро вышел»³.

Ребят отпустили по домам. Но все побежали на Соборную площадь, оцепленную красноармейцами. Там «ещё клубился дым, в воздухе плавали... розовые пылинки – смесь кирпича и извести. Женщины причитали: «Что же творят... антихристы... Тут ведь в замес при стройке народ серебро сыпал, бедные последнюю копейку бросали. Разве кто из этих иродов ещё такую красу создаст?»

«Мне было жаль собор, – признавался писатель, – но я старался не показывать вида. «Когда ж его совсем взорвут?» – наигранно-безучастным тоном спросил у красноармейца. «Взорвут, – уклончиво отвечал тот. – Вот подвезут ещё аммонала или динамит». – «А может, оставят?» – с тайной надеждой переспросил я. Красноармеец усмехнулся: «Тогда б не начинали». После этого ещё с полгода грохота-

ли взрывы и в домах вылетали стекла»⁴. Проходить мимо искалеченного храма было тяжело. Впоследствии руины расчистили, разбили сквер и в 1960 г. украсили его памятником Карлу Марксу.

ДВАЖДЫ ПОГРЕБЁННЫЕ

Под развалинами собора надолго оказались погребенными могилы Пресвященных: Иннокентия, Афанасия, Григория, Амвросия II, Антония II. Первые трое были похоронены в небольшой церкви, построенной «на средства известной пензенской благотворительницы Марии Михайловны Киселёвой», а двое других – в приделе святой великомученицы Екатерины, где «стараниями графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской была устроена небольшая усыпальница»⁵. Лишь в 1998 г. после двух месяцев поиска их останки, извлеченные из-под спуда земли и мусора, были захоронены у Архиерейского дома, возвращённого Русской Православной Церкви. В августе 2000-го Иннокентий был канонизирован в лике святых, и его мощи перенесли в Успенский кафедральный собор, где они покоятся и поныне.

ИННОКЕНТИЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Гордостью взорванного Спасского собора была обширная библиотека просветительского Иннокентиевского братства пресвятой Богородицы. После гибели главного храма Пензы старинные рукописи и книги таинственно исчезли.

В «Тайнах пензенских подземелий» В.Ю. Самсонов рассказывает о том, что в 1934 г. на развалинах собора местная ребятня обнаружила глубокую шахту с лестницей. Спустившись вниз, мальчишки очутились в тоннеле и в одном из его ответвлений «наткнулись на запертую решетчатую дверь, сквозь которую виднелась огромная груда старинных книг»⁶. С помощью шеста им удалось вытащить несколько фолиантов в кожаных переплёт-

тах. Часть их и поныне хранится в семейном архиве одного из искателей приключений – Ивана Трифионовича Шульпина.

«Как знать, – пишет В.Ю. Самсонов, – возможно, кому-то из исследователей подземных ходов...удастся добраться до скрытого от глаз людских хранилища соборной библиотеки. Оно для пензенцев не менее ценно, чем знаменитая библиотека Ивана Грозного <...> ведь, по одной из версий, где-то под развалинами... собора покоятся летописи об основании нашего города»⁷.

ОПОМНИЛИСЬ

В 2011 г. Спасский кафедральный собор стали восстанавливать – на том же месте, где он находился до революции, на Соборной площади, в самом сердце старой Пензы...

Сегодня уже ведутся работы по его внутренней отделке и благоустройству территории. С хранящихся в картинной галерее эскизов И.К. Макарова (1850–1852 гг.) к фрескам собора сделали постеры и передали в Пензенскую епархию, чтобы с ними ознакомились художники, которым предстоит расписывать главный храм города. Хочется верить, что благодаря этим старинным рисункам мастера из Палеха смогут восстановить монументальные росписи почти в первоизданном виде!..

Примечания

1. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии (сост. А. Попов). Пенза, 1896.
2. *Васильев А.С.* Умереть, чтобы жить: невыдуманные истории. М., 1994. С. 375.
3. Там же. С. 376.
4. Там же. С. 376.
5. *Дворжанский А.И.* Спасский кафедральный собор. Саратов, 2009. С. 26–27.
6. *Самсонов В.Ю.* Тайны пензенских подземелий. Пенза, 2012. С. 33.
7. Там же. С. 34.

СЕМЕЙНОЕ ФОТОАТЕЛЬЕ МАТВЕЕВЫХ В ЧЕМБАРЕ

Официальной датой изобретения фотографии считается 7 января 1839 г., когда Франсуа Араго сделал доклад о дагеротипии на заседании Французской академии наук. Постепенно новый способ отображения действительности стал распространяться по миру. В первую очередь в крупных городах и промышленных центрах. В провинции сначала появились странствующие фотографы, и только в 1860-х гг. в уездных городах России начали работу первые профессиональные фотографы на постоянной основе. Чембар, что в Пензенской губернии, в силу разных причин оказался как бы на обочине фотографического прогресса. За всю дореволюционную его историю в нём работало всего три профессиональных фотоателье. Сегодня речь пойдёт о семейном деле Матвеевых.

Глава семьи Михаил Григорьевич Матвеев происходил из крестьян довольно крупного села Доброселье, что являлось центром одноименной волости в Мосальском уезде Калужской губернии¹. Ныне село не существует. Михаил Матвеев родился 4 ноября 1878 г. и был православным по вероисповеданию. Вероятнее всего, он окончил церковно-приходскую школу при храме Преображения Господня в своём родном селе.

В неполные шестнадцать лет в сентябре 1894 г. М.Г. Матвеев поступил в только что открытое Техническое железнодорожное училище в г. Николаеве Херсонской губернии. При отличном поведении и отличных, очень хороших и хороших оценках он закончил в 1897 г. теоретический курс железнодорожного училища. После прохождения обязательной двухлетней производственной практики в службе пути на Московско-Казанской железной дороге 24 ноября 1899 г. он полу-

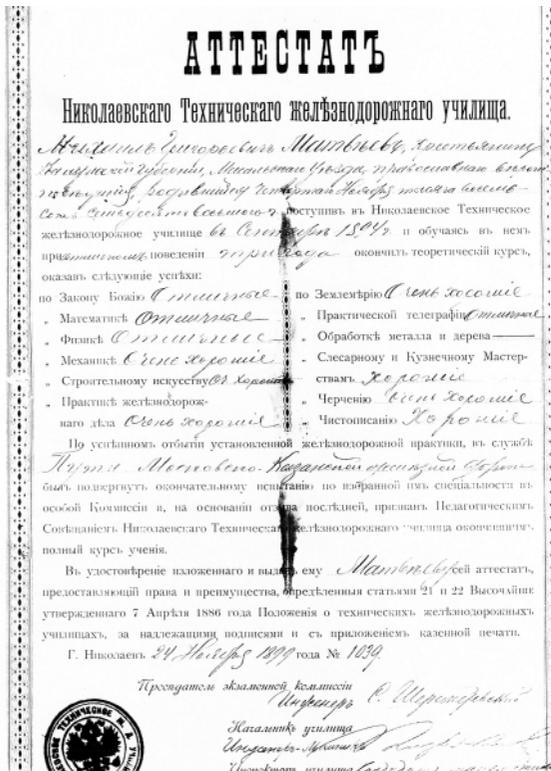
чил аттестат Николаевского технического железнодорожного училища².

Видимо, во время прохождения производственной практики М.Г. Матвеев женился на Сарре Григорьевне, которая была на четыре года его младше, то есть 1882 г. рождения. Никаких дополнительных сведений о ней пока не выявлено. Примерно в 1900 г. у них родился первенец – сын Мстислав.

На рубеже веков молодая семья Матвеевых оказалась в уездном Чембаре Пензенской губернии. Почему именно в этом городе, не имеющем железной дороги, обосновался квалифицированный специалист-железнодорожник, не совсем понятно. Может быть, уже тогда существовал проект постройки железнодорожной ветви до Чембара и у Михаила Матвеева, как ему виделось, были перспективы хорошего трудоустройства? Однако реально к этому делу приступило акционерное «Общество железнодорожных ветвей», учреждённое лишь в 1912 г. В следующем году было начато строительство ветки на Чембар от станции Башмаково (Сызранско-Вяземская ж/д). Впрочем, железная дорога так и не дошла до Чембара: земляные работы, искусственные сооружения и здания были исполнены в полном объёме, началась укладка пути, но далее в дело вмешалась Первая мировая война, и стройка осталась незаконченной³.

Итак, по приезде в Чембар М.Г. Матвеев устроился на одну из самых уважаемых, но в то же время и хлопотных должностей – уездного техника. Практически вся его служба была связана с разъездами по уезду. Вероятно, в своей работе ему приходилось сталкиваться или даже использовать технологии фотографии.

Через несколько лет жизни в Чембаре на семейном совете было принято решение об открытии собственного фо-

Фрагмент аттестата М.Г. Матвеева об окончании Николаевского технического ж/д училища. 1899 г. Из семейного архива Матвеевых.

Фотоателье С.Г. Матвеевой. Кабинет-портрет. 1900-е г. Из собрания автора.

тографического заведения, которое было оформлено на жену – Сарру Григорьевну Матвееву. Не исключено, что, занимая должность на государственной службе, глава семейства просто по формальным причинам не мог являться владельцем коммерческого предприятия, каковым считалось фотоателье. Кстати, имя Сарра довольно необычно для русского уха, но в официальных документах губернаторской канцелярии она проходила как Серафима. Впрочем, на бланках фотографий она все-таки указывала свое настоящее имя – Сарра.

Разрешение Пензенского губернатора на открытие фотографии на имя С.Г. Матвеевой было выдано 6 марта 1903 г⁴. Относительно небольшие размеры Чембара (к нему, согласно словарю Брокгауза и Ефрона, в 1897 г. было приписано всего 5335 человек) компенсировались уездом, число жителей которого превышало 150 тыс. человек. Тем более этот шаг был оправдан отсутствием уже в течение нескольких лет фотографии в Чембаре: в начале 1880-х гг. закрылось фотоателье Елизаветы Воскресенской, а в 1890–1900-е гг. хотя и существовало ателье Г.А. Мосолова, но было весьма скромным по объемам работ.

Первоначально фотография Матвеевых располагалась в съёмном доме (вероятно – Ломакина). Но, судя по всему, дело было сразу поставлено на солидную основу: фирменные бланки фотографий заказывались в Москве в известной литографии Иосифа Покорного. По некоторым косвенным признакам можно предположить, что в фотоателье Матвеевых использовался труд наёмных работников. Действительно, одной хозяйке, обрабатываемой тремя малолетними детьми, содержать такое сложное хозяйство вряд ли было под силу.

В то же время и сам Михаил Григорьевич по мере возможности занимался фотографией. В 1908 г. он как любитель принял участие в выставке в Саратове. Она была организована Саратовским фо-

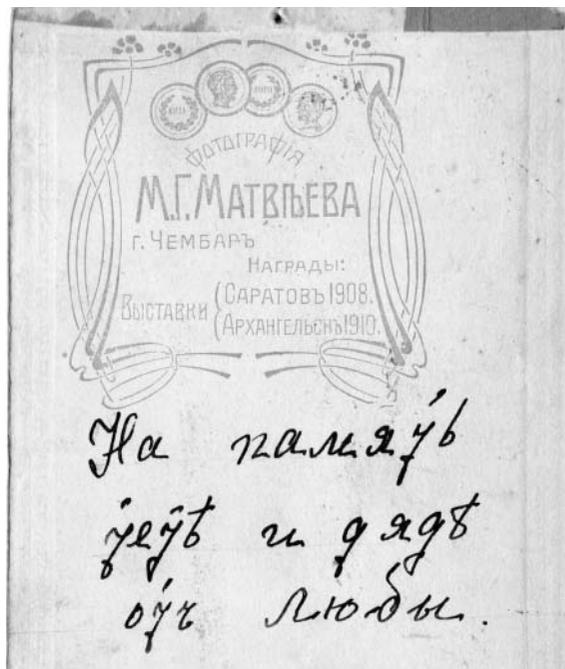
Оборотная сторона бланка
ателье С.Г. Матвеевой.
Кабинет-портрет. 1900-е гг.
Из собрания автора.

Фотоателье С.Г. Матвеевой. Визитка.
1900-е г. Из собрания автора.

Фото ателье М.Г. Матвеева. Визитка.
После 1912 г. Из собрания автора.

Оборотная сторона бланка ателье
М.Г. Матвеева. Визитка. После 1912 г.
Из собрания автора.

тографическим обществом и открылась 14 мая. В течение месяца экспонировались работы как местных, так и иногородних фотографов. Экспертная комиссия на заседании 6 июня присудила награды лучшим работам. В числе двух награжденных похвальными отзывами указан М.Г. Матвеев⁵.

В 1909 г. Михаил Матвеев покупает за довольно большую сумму (7200 руб.) обширный дом, состоящий из пяти комнат, кухни и подсобных помещений, на углу бывшей Средне-Саратовской (Набережной) улицы и Воскресенского переулка. Любопытно, что в купчей крепости Матвеев по-прежнему именуется крестьянином Калужской губернии.

Место было выбрано не случайно: наискосок по переулку долгие годы располагалось фотоателье Елизаветы Воскресенской, да и фотография Мосолова, вероятнее всего, размещалась там же. Иначе говоря, публика была приучена к этому месту за долгие десятилетия. Немаловажным фактором была и близость торгового и делового центра Чембара: на другом конце этого же квартала находилась Базарная площадь. Дом хотя и перестроен, но хорошо сохранился до наших дней, в том числе интерьеры.

Приобретенный Матвеевыми дом был довольно-таки старым. Как следует из купчей, прежней хозяйкой – Молчановой – он был куплен у учительницы Александры Ивановны Артоболовской ещё в 1869 г., значит, он был построен ещё раньше. Здесь и пригодились широкие технические познания Михаила Григорьевича. Он производит капитальный ремонт и обустройство дома по последнему слову техники: появились электричество, водопровод, паровое отопление, ванная комната и ватерклозет с дивным (по воспоминаниям внучек хозяина) фаянсовым унитазом желтого цвета с узорами. Хозяева обустроились основательно и надолго!

Со стороны переулка к дому была сделана пристройка, в которой размес-

тились помещения фотографии. В том числе со двора был оборудован павильон с остеклёнными стеной и потолком. Для посетителей фотоателье был сделан отдельный вход со стороны переулка, где разместились и соответствующая вывеска. Как рачительные хозяева, Матвеевы застраховали дом и фотоателье во Втором Российском страховом обществе, о чём свидетельствовала прибитая на фронтоне здания страховая доска.

С 17 октября по 2 ноября 1910 г. работы Михаила Матвеева, как любителя, вновь принимали участие во всероссийской фотографической выставке в Архангельске. Он был награжден за диапозитивы. По современному говору, это слайды.

В Памятной книжке Пензенской губернии на 1911 г. в последний раз указана фотография С.Г. Матвеевой в Чембаре (причем с ошибкой в написании фамилии)⁶. Судьба Сарры Матвеевой сложилась трагично: она умерла 8 сентября 1912 г. в возрасте 30 лет от чахотки, оставив трёх малолетних детей: сына (Мстислава) и двух дочерей (Ольгу и Сарру)⁷. По воспоминаниям внучек М.Г. Матвеева, в семье долго хранился портрет Сарры Матвеевой, выполненный способом вышивания крестиком, который экспонировался на международной выставке в Париже в 1914 г.⁸. Однако он не сохранился.

После кончины супруги Михаил Григорьевич переоформил фотоателье на своё имя. Вероятно, ему пришлось уйти с должности уездного техника, и он целиком посвятил себя бизнесу. В это же время информация о наградах, полученных им на фотовыставках, появилась на фирменных бланках ателье, что несколько странно: ведь они были получены им как любителем. Впрочем, эта практика была относительно недолгой.

Следует отметить, что с этого времени фирменные бланки фотоателье стали гораздо скромнее по дизайну и изготавливались из более дешёвых сортов картона. Заказывать их Михаил Матвеев предпо-

*Фотография Е.Н. Матвеевой с внучкой. Конец 1930-х гг.
Из семейного архива Матвеевых.*

читал в соседнем Саратове в типографии Кузиной. Впрочем, он регулярно бывал и в Москве для закупок нового оборудования и расходных материалов. Похоже, именно тогда в доме на Таганке им была приобретена комната, в которой он останавливался во время своих деловых поездок. Это неказистое жильё ещё сыграет свою довольно неожиданную роль в дальнейшей судьбе Матвеевых.

Если с продолжением фотодела особых проблем не возникло, то семья остро нуждалась в женской руке. Несмотря на то, что М.Г. Матвеев по роду своей деятельности не имел прямого отношения к железной дороге, у него сохранились связи со своими бывшими коллегами. Так, в Саратове жил отставной старший писарь Николай Иванов с семьёй. Он служил в правлении Рязанско-Уральской железной дороги, и у него регулярно бывал в гостях Михаил Матвеев.

Старшая дочь Николая Иванова Елизавета родилась 25 апреля 1895 г. В 1912 г. она окончила с золотой медалью частную женскую гимназию С.Н. Штокфиш в Саратове. Затем она поступила в восьмой

дополнительный класс при той же гимназии для специального изучения русского языка и успешно закончила его в июне 1913 г. Это давало ей право на получение звания домашней наставницы. Правда, к тому времени её родители скоропостижно скончались и будущее виделось довольно туманным. Тут-то Михаил Матвеев на правах давнего друга семьи и подставил мужское плечо, предложив стать его женой.

Свадьба состоялась в 1914 г. Родилось двое детей: сначала дочь, а в 1917 г. сын. Молодая жена хотя всего на четыре года была старше пасынка, но стремилась заменить мать и детям Михаила Матвеева от первого брака. Жизнь стала входить в привычное русло, но грянула Октябрьская революция, и пусть не сразу, но в 1919 г. фотоателье было национализировано.

С началом новой экономической политики (нэпа) во второй половине 1921 г. мелкие ранее национализированные предприятия стали возвращаться прежним владельцам. Возобновило свою работу и фотоателье Михаила Григорьевича Матвеева. Правда, воспользоваться сполна плодами этих послаблений со стороны

большевистской власти он не успел и в 1924 г. скончался. Вся тяжесть содержания фотографии свалилась на молодые плечи Елизаветы, на руках у которой остались двое малолетних детей. Старшие дети Михаила Матвеева от первого брака к тому времени уже разъехались.

Елизавета Матвеева оказалась хозяйкой довольно сложного в техническом плане заведения. И она справилась, полностью освоив весь технологический процесс. Именно фотоателье позволило семье с малолетними детьми выжить. Но как это водится, чужой успех и благополучие, пусть и достигнутое тяжёлым трудом, не дают покоя завистливым соседям. На излёте нэпа, в 1928 или 1929 г. кто-то предупредил Елизавету, что в ближайшую ночь к ним придут с целью конфискации и, возможно, последуют меры как к враждебному элементу.

Сборы были недолгими. Под покровом ночи вся семья покинула Чембар. И тут как нельзя кстати пригодилась комната в коммунальной квартире в Москве. Здесь семья и пережидала опасный период. Через какое-то время Матвеевы вернулись в Чембар, но ни о каком частном фотоателье говорить не приходилось. Елизавета продолжила работу фотографом теперь уже в государственном учреждении. Нужно признать, что в советские годы женщина-фотограф была редкостью.

Если говорить о творческом наследии фотоателье Матвеевых, то оно довольно скромное. Все сохранившиеся и с установленным авторством фотографии этого ателье относятся к салонным портретам, как одиночным, так и групповым. Но с точки зрения краеведческой – это бездонный кладёзь образов жителей Чембара и его окрестностей.

Примечания

1. Адрес-календарь Калужской губернии на 1892 г. Калуга. 1892. С. 122.
2. Данный документ хранится в семейном архиве внучек М.Г. Матвеева – Натальи Викторовны Мельниковой и Елены Викторовны Зубковой.
3. По сведениям пензенского краеведа Евгения Авдонина.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 27. Л. 6.
5. Фотограф-любитель. 1908. №12. С. 392.
6. Памятная книжка Пензенской губернии на 1911 г. Пенза. С. 278.
7. ГАПО. Ф. 182. Оп. 7. Д. 451. Л. 168об–169.
8. Действительно, в 1914 г. в Париже состоялась международная художественная выставка, в память о которой были выпущены настольные медали и жетоны.

Л.М. Руднева

ПРИОТКРЫВАЯ ВРЕМЕНИ СТРАНИЦЫ...

(музей В.Г. Белинского в годы Великой Отечественной войны)

Война... До культуры ли в эти страшные годы? Допустим, в известные музеи зайдут редкие посетители, но кто будет ходить в музеи в провинции? Но что такое музей? В годы войны (и любого сложного периода в истории государства) – один из объектов сосредоточения духовных ресурсов общества. В невероятно сложных условиях Великой Отечественной войны вся духовная жизнь, культура и работа

музеев были максимально направлены на выполнение идейно-политических задач. Это абсолютно верное решение. Но эта направленность не изменила их главной составляющей работы: и большие столичные, и маленькие провинциальные музеи продолжали выполнение своей основной задачи – рассказывали людям о понятных и близких каждому идеях патриотизма, мужества, самоотверженности, без

которых Победа над противником была бы невозможна. Вокруг музеев объединились самые активные люди – учителя, врачи, студенты. Их гражданская позиция позволила не просто выстоять – духовно вырасти в эти годы, объединиться и не растерять то ценное, что было накоплено к этому времени, научиться работать в новых условиях, мечтать о будущем.

Война поставила перед музейными работниками две задачи, о которых заявлено было в приказах Наркомпроса РСФСР 1941 г.: «О мероприятиях по сохранению и учету музейных фондов» и «О формах функционирования музеев в условиях военного времени». Музейная работа продолжалась, несмотря ни на какие трудности.

* * *

В июне 1938 г. был открыт музей В.Г. Белинского в городе Чембаре Пензенской области. В предвоенный 1940 г. музей посетило 8 114 человек. С началом войны сотрудников Ф.А. Забнева, П.А. Вихвелина призвали в ряды Красной армии.

Петр Августович Вихвелин был в числе первых сотрудников музея В.Г. Белинского в 1939–1940 гг. Его фамилия сохранилась в «Отчетах по работе музеев им. В.Г. Белинского и М.Ю. Лермонтова в Чембарском районе Пензенской области со дня их основания по февраль месяц 1943 г.». В частности, в них указывается: «В 1939 г. лектор Вихвелин провел 6 лекций (370 слушателей), это составило 10% от общего числа проведенных лекций. В 1940 г. им было проведено 6 лекций (112 слушателей)».

В семье Вихвелиных, переселенцев из Эстонии, было четыре сына и дочь. Все сыновья ушли на войну, двое из них не вернулись.

14 сентября 1941 г. бомбардировщик СБ (скоростной бомбардировщик, АНТ-40) под командованием старшего лейтенанта Александра Щеголихина совершал полёт в районе деревни Клиники неда-

леко от Ярославского шоссе (сейчас это посёлок Софрино Пушкинского района Московской области). Сбитый бомбардировщик упал в лесу примерно в километре от населенного пункта. Экипаж погиб. Погибшие летчики были похоронены в ближайшем городе Пушкино, но до мая 2017 г. на мемориальной доске значилось только три фамилии. Так получилось, что про воздушного стрелка младшего сержанта Петра Августовича Вихвелина «забыли». Однако благодаря поисковым действиям исследователя Игоря Михайлюка, координатора Всероссийского движения «Прерванный полет» Александра Немирова, Пушкинского Совета ветеранов, стало известно о месте гибели всех членов экипажа и их захоронении. Петр Августович Вихвелин обрел свое имя и место упокоения.

Федор Алексеевич Забнев прожил долгую жизнь. Родился он в 1919 г. в с. Мача Чембарского уезда, умер в 2002 г. Поэт, краевед, музейный работник. В 1938 г. закончил Чембарское педагогическое училище и поступил младшим научным сотрудником в музей В.Г. Белинского. Военную службу проходил на Дальнем Востоке в Забайкалье. После возвращения из Красной армии в 1946 г. работал старшим научным сотрудником Государственного музея В.Г. Белинского. В 1955–1969 гг. – научный работник Государственного музея В.Г. Белинского. На протяжении многих лет являлся постоянным сотрудником районных и областных газет, автор первого путеводителя по музею В.Г. Белинского.

Имена П.А. Вихвелина и Ф.А. Забнева вписаны в историю музея В.Г. Белинского, мы помним о них, гордимся ими.

* * *

Один из музейных экспонатов – старая фотография. На обороте простым карандашом в начале 1940-х гг. была сделана надпись: «Храмов. с. Бельнь». Фотография явно сделана до начала войны. Обычные деревенские жители. За спиной – соло-

менные крыши домов. Мужчины чуть суровые, настороженные. Женщины, скрывающие любопытство, но улыбка, точнее полуулыбка видна даже по глазам. Спокойный, с чувством собственного достоинства старик с седой бородой. Много ребятшек, есть и те, кто забрался в первый ряд: один из них босой, второй – в лаптях. Напряжение чувствуется, и это вполне объяснимо: не каждый день приезжают в село гости из районного города Чембара, не часто фотографируют жителей села. Помните у Виктора Астафьева: «Глухой зимою, во времена тихие, сонные нашу школу взбудоражило неслышанно важное событие. Из города на подводе приехал фотограф! И не просто так приехал, по делу – приехал фотографировать».

Главный герой фотографии – директор музеев В.Г. Белинского и М.Ю. Лермонтова – Александр Иванович Храмов (с момента основания и до 1944 г. А.И. Храмов возглавлял оба музея). На фотографии он тот самый «городской» лектор, из-за которого всё село и собралось. Жизнь музеев в начале 1940-х гг. только-только входит в русло полноценной работы, намечаются пути развития, устанавливаются связи, приходит понимание, как должен развиваться музей... и война! Оставшиеся в тылу сотрудники музея В.Г. Белинского – А.И. Храмов и Василий Александрович Корнилов (1888–1968), перестроили всю работу в соответствии с условиями военного времени.

Уже 6 июля 1941 г. открыта «Военно-историческая выставка», а для сельсоветов района «Военная выставка», по которой А.И. Храмов читал лекции: «Красная армия», «Александр Невский» и др. В 1941 г. через Чембар проходили военные части и эвакуированное население, что намного повысило посещаемость музея по сравнению с довоенным временем. Сотрудники работали с 8 до 20 часов. Проводилась большая массовая политико-просветительская работа, читались лекции: «Борьба русского народа с не-

мецкими захватчиками», «Отечественная война советского народа», «Белинский и Лермонтов – великие русские патриоты» и т.д. Активная лекционная работа проводилась и в соседних районах: Каменском, Пачелмском, Нижнеломовском, Башмаковском. За первые полтора года войны сотрудниками прочитано 227 лекций с общим числом слушателей 22948 человек. Увеличилось число радиовыступлений, публикаций в газетах «Тамбовская правда», «Молодой ленинец», «Чембарский колхозник», «Волжская коммуна» и др. Во всех выступлениях, докладах акцент делался на патриотизм: «Перестройки в нашей работе в отношении творчества Белинского и Лермонтова тем более легко осуществимы, что творчество наших земляков проникнуто элементами ответственности и патриотизма. Лермонтовские произведения «Бородино», «Отчизна», «Москва! Москва! Люблю тебя как сын» и др. звучат по-современному. В статьях Белинского встречаются яркие места, в которых он говорит о тесной связи личности гражданина и общества: «Живой человек носит в своем духе, в своём сердце, в своей крови жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветёт его здоровьем, блаженствует его счастьем, вне своих собственных, своих личных обстоятельств». И ещё одна цитата приведена в документе: «Можно не любить и родного брата, если он дурной человек, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надо, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием совершенствования».

В.Г. Белинский горячо верил в русского человека, в светлую будущность России, а это давало веру в победу нашей страны в этой страшной войне. Вот несколько отзывов после посещения музея критика и публициста: «Находясь в Чембаре, с большим желанием посетил дом, где жил великий русский критик. Чувство гордости и любовь ко всему русско-

му сквозит во всем творчестве Белинского. Это чувство невольно пробудилось и у нас во время осмотра музея. Кажется, что ты сделал ещё очень мало для Родины. Творчество Белинского зовёт на борьбу. Внимательно отнёсся к нам директор музея А.И. Храмов, в каждом его пояснении чувствовалась любовь к критику, и невольно эта любовь передалась и нам. 4.IX.1943 г. Полковник Ронгинский, капитан Афанасьев». «Очень ценно, что местные советские и партийные органы оберегают ценное наследие великих русских людей, внесших огромный вклад в литературу. Память о них необходима нам, воинам-защитникам. 7.X.1943 г. Капитан Никулин». Особую значимость приобретали лекции на призывных пунктах в Чембаре и Башмакове, в эвакогоспитале в Башмакове. В отзыве от 18 февраля 1942 г. военком Устинов писал: «Все лекции, проведенные тов. Корниловым в эвакогоспитале, были прослушаны с огромным вниманием, лекции вселяют уверенность и гордость за наш народ». В конце 1941 – начале 1942 гг. лектор прикомандирован к двум баянистам для проведения лекций-концертов. Сбор с них поступал на строительство самолетов и танков. За январь 1942 г. было проведено 17 лекций-концертов, с которых отчислено 18 тыс. руб.

* * *

В годы войны музей В.Г. Белинского развивался. В документах архива музея хранится письмо заместителя народного комиссара просвещения РСФСР Н.Ф. Гаврилова от 16.01.1943 г. председателю Чембарского райисполкома: «Музей В.Г. Белинского собрал значительный материал из жизни вашего района в дни войны. В связи с этим на 1943 г. музею дано задание организовать экспозицию «Наш район в дни войны». Однако музей до сих пор не получил помещения, выделенного для этой цели, т.к. здание, переданное музею, решением Президиума

Чембарского райисполкома от 17.III.1942 г. (школа, в которой учился Белинский), занята зерном. Прошу Вас дать указание об освобождении школы и оказать музею всяческое содействие в построении экспозиции, достойной патриотических дел чембарцев». Всё большее значение приобретает краеведческая работа, сотрудниками музея были взяты на учёт почти все памятники и исторические места, обращено внимание на сохранение дома, в котором жил Муса Акжигитов, дома, связанного с именем П.И. Замойского и др. В эти годы работники музея Белинского решили вопросы об открытии в с. Бельны библиотеки имени критика. В те военные годы один из посетителей назвал музей «политотделом в миниатюре».

Когда нужно начинать вспоминать о прошедшем? Сегодня, сейчас – самое время. Именно сейчас важно сохранить Историю своей семьи, города, страны. Нужно вспоминать былое, постараться осознать величину подвига каждого человека, рассказать о Героях внукам и правнукам – тем, кому жить дальше. Обращение ко всем нам жительницы г. Белинского, выпускницы школы 1941 г., труженицы тыла Марии Дмитриевны Федосеевой (Харитоновой) написано уже пожилой женщиной, так искренне, что поражаешься тому, что такими простыми словами можно выразить верные на все времена мысли: «...Когда человек молод, он не задумывается о том, что такое жизнь... Помните, что Родину населяют сельчане, горожане. Родина наша давно многонациональна. Всегда помните, что человек, какой национальности он ни был, он всегда человек. Будьте твердо убеждены, что нельзя поступать вопреки себя, нельзя оставаться равнодушным. За свои взгляды, идеалы надо бороться, надо отстаивать их даже ценой собственного спокойствия и благополучия.

Желаю доброго здоровья, хороших успехов в учебе, ибо от этого будет зависеть Ваша жизнь».

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Т.Ю. Новинская

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОВЕСТИ В.Г. БЕЛИНСКОГО «ДМИТРИЙ КАЛИНИН» В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СЕРЕДИНЫ ХХ ВЕКА

*Прекрасно было где-то сказано,
что повесть есть краткий эпизод
из бесконечной поэмы
судеб человеческих!*
В.Г. Белинский

В этом году исполняется 210 лет со дня рождения великого литературного, театрального критика и публициста XIX в. – Виссариона Григорьевича Белинского. Рожденный в эпоху реформ и военных побед Александра I, вырослел Белинский в государстве, где ношение военного мундира, овеянного дымом сражений, стало важной характеристикой человека, определяющей принадлежность его к высшему сословию. Однако неистовый нрав Виссариона нашел своё проявление не в воинской отваге, а в остром точном слове, что позволило ему стать выразителем взглядов своей эпохи и заставить потомков спорить о том, кем же был он в своих взглядах.

Одни называли его революционным демократом, другие, как русский литературный критик периода предреволюционного расцвета русского модернизма. Ю.И. Айхенвальд – консерватором: «Единая яркая нить консерватизма проходит и через то, что он писал в 1831 г., и через то, что он писал в ...1846, 1848 годах»¹. Сегодня произведения Белинского, созданные в духе «реалистической эстетики»,

являются интересным материалом для изучения «идеологии повседневности» в России первой половины XIX в.

Писательская деятельность Белинского, как и общественная, была весьма разнообразна. Ещё будучи молодым человеком, он пробовал себя как писатель разных жанров. Популярная сегодня фраза 22-летнего критика определила его трепетное отношение к «истинному храму искусства»: «Театр! Любите ли вы театр, как я люблю его, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?»².

Белинский даже пытался пробовать свой писательский талант в драматургии. Так драматическую повесть «Дмитрий Калинин» он написал, будучи студентом Московского университета. Это был, по словам самого автора, «первый опыт молодого студента»³. Основная тема произведения – это тема страшного общества, раскрытая через историю крепостного интеллигента, который после окончания университета вынужден вновь вернуться к прежним хозяевам, помещикам Лещинским. Он в горячем монологе выражает одну из центральных тем произведения: «Кто дал это гибельное право одним людям поработать своей властью волю других подобных им существ, отнимать у

них священное сокровище – свободу?»⁴. Другая тема произведения – это тема неравной любви. А тему отношений отцов и внебрачных детей дворянской эпохи автор раскрывает одной цитатой: «Я жил в доме моего благодетеля отчужденный от всех»⁵.

Самим автором подробно описаны мотивы, побудившие его к созданию «Дмитрия Калинина»: «Из чистого, бескорыстного побуждения выразить этот внутренний мир самого себя, этот мир собственных мыслей и чувствований, возбуждаемых в нём созерцанием...»⁶. Итог трагичен. В конце главный герой лишает жизни свою возлюбленную и, проклиная себя, отца, бога и весь мир, закалывает себя кинжалом.

Попытка издать пьесу закончилась для молодого писателя не только отказом её публикации, но и исключением из Московского университета под предлогом «слабого здоровья и ограниченности способностей». Подлинной же причиной стало вольнодумие, которое переполняло драму «Дмитрий Калинин».

В 1950-е гг., когда советский театр, как и вся страна, выходил из военной повседневности и пытался вдохнуть в себя ветер перемен, всколыхнувший после 1953 г. всё советское искусство, появились руководители с новыми идеями. Однако советское государство, не изменившее своих принципов, продолжало считать искусство проводником государственной идеологии и пристально следило не только за репертуаром театров, но и за изложением содержания произведений со сцены.

В 1956 г. в год 145-летия Виссариона Григорьевича Белинского на сцене одного из старейших театров страны, Пензенского драматического театра, в сценической редакции режиссера Юрия Юровского

*Сцена из спектакля по пьесе В.Г. Белинского
«Дмитрий Калинин».
Пензенский драматический театр, 1956 г.*

была осуществлена постановка драматической пьесы «Дмитрий Калинин». Это была первая постановка пьесы и, можно сказать, единственная. Спектакль в 1957 г. повезли в Москву, но в репертуаре он не закрепился.

Решение о том, что спектакль будет поставлен в Пензенском театре, было принято не случайно. И не только потому, что В.Г. Белинский связан с Пензенским краем. Но и потому, что в основу трагедии легли реальные события, пережитые автором в гимназическом возрасте. Прототипом главного героя стал его бывший сосед по гимназической парте Дмитрий Калинин. «В силу этих обстоятельств, – отметила на совместном заседании Всероссийского театрального общества и Института истории искусств Академии наук СССР, посвященного обсуждению спектакля после его премьеры в Москве,

доктор филологических наук В.С. Нечаева, специалист по творчеству В.Г. Белинского⁷, – для Пензенской области пьеса Белинского «Дмитрий Калинин» имеет огромное значение. Необходимо показать общественности Пензы и Пензенской области, как жили пензенцы 100 лет назад и как живут сейчас»⁸.

Театральная постановка, как отмечалось на заседании, была принята зрителем с воодушевлением. Одной из главных причин успеха стала попытка возвращения на сцену традиций романтического театра, которые, по высказыванию исследователя творчества Белинского М.Я. Полякова⁹, были «забыты, а романтизм стал пошлым и грубым словом». «Я глубоко убежден в том, – отмечал М.Я. Поляков, – что театр переживает кризис из-за своей подавленности бытовизмом и правдоподобием. Если только где-либо есть натурализм, то он есть в высшей степени в нашем театре. Потому что этот натурализм заключается в правдоподобии. Зритель соскучился от однообразия»¹⁰.

Созданный Белинским новый тип театрального героя-интеллигента, выходца из крепостной среды, предсказывал переход к новой эпохе. Как писал литературовед и историк П.Н. Сакулин: «Крепостная интеллигенция и её драма была крупным явлением в общественной жизни тогдашней России. Писателям не всегда удается с надлежащей свободой раскрыть перед нами все тайники страдающей души крепостной интеллигенции... но они ясно сознавали социальную важность вопроса и не раз пытались привлечь к нему сочувственное внимание русского образованного общества»¹¹. Поэтому с позиции историзма было ценно сохранить размышления Калинина. Однако в итоге, как утверждал М.Я. Поляков, произведение В.Г. Белинского в постановке Пензенского театра утратило свой первоначальный смысл.

Остается вопрос, как сегодня бы звучал «неистовый Виссарион» со сцены?

А чтобы понять и разобраться, что хотел донести через своих героев до зрителя автор, лучше перечитать Белинского и при этом иметь в виду, что его мысль – это всегда становление, всегда процесс, что ее содержание – это скорее рефлексия на события души и ее реакция на окружение¹².

Примечания:

1. *Айхенвальд Ю.И.* Спор о Белинском. Ответ критикам. М., 1914. С. 29.
2. *Белинский В.Г.* Избранные статьи. М., 1981. С. 77–78.
3. *Белинский В.Г.* Дмитрий Калинин. Драматическая повесть в пяти картинах // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. : в 13-ти т. М., 1953. Т. 1. С. 240.
4. Там же. С. 498.
5. Там же. С. 425.
6. Там же. С. 420.
7. *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский: Начало жизненного пути и литературной деятельности: 1811–1830. М., 1949; *Нечаева В.С.* В.Г. Белинский. Жизнь и творчество 1836–1841. М., 1961.
8. Стенограмма совместного заседания ВТО и Института истории искусств в Академии наук СССР, посвященного обсуждению спектакля «Дмитрий Калинин» от 27.04.57 // Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 2654. Оп. 1. Д. 11. Л. 82–84.
9. *Поляков М.Я.* Виссарион Белинский. Личность – идеи – эпоха. М., 1960; Белинский в Московском университете. М., 1947; Белинский в Москве: (1829–1839). М., 1948; Виссарион Григорьевич Белинский. М., 1953.
10. Стенограмма ... Л. 82–84.
11. *Сакулин П.Н.* Крепостная интеллигенция // Великая реформа. 1911. С. 89.
12. *Ермичев А.А.* Был ли Белинский революционным демократом и социалистом? // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 2. С. 118.

Т.В. Устимкина

НАШ ЗЕМЛЯК НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

Немногие пензенцы знают о том, что отец любимого всеми сатирика Михаила Задорнова – советский писатель, сценарист, журналист, лауреат Сталинской премии Николай Павлович Задорнов – наш земляк. Тем не менее, это факт!

Он родился в Пензе в 1909 г. на улице Боголюбской (ныне Революционная, 45) в так называемом поповском доме: дед Николая Павловича по материнской линии был священником. Как и полагалось, новорождённого крестили, о чем сохранилась запись в метрической книге Боголюбской церкви, а затем двухнедельного увезли на Дальний Восток. Однако на свою малую родину Николай Павлович возвращался не раз.

В автобиографии он писал: «По окончании 8 класса... я был отправлен отцом на лето на свою родину в Пензу. Ехал с двумя пересадками, впервые видел Волгу и удивился, что в пензенских садах все яблоки зеленые, а... не красные и жёлтые, как продавались в Чите... привезенные из Крыма и Китая. Вечером на улице, где я родился, почти из каждого дома слышались звуки рояля, скрипки, а бывало, и квартета».

Вера Михайловна и Павел Иванович Задорновы с детьми Борисом и Николаем.

На той же улице Боголюбской родилась и мама Николая Задорнова – Вера Михайловна – женщина весьма незауряд-

Дом, где родился Н.П. Задорнов. г. Пенза, ул. Революционная, д. 45.

Пензенское краеведение №1-2 (57-58) 2021

Н.П. Задорнов.

ная! В 60 лет она окончила Московский заочный институт иностранных языков, а затем ещё и курсы переводчиков, свободно владела немецким и французским языками и до 71 года работала учителем в 6-й пензенской школе.

Вообще, род Задорновых происходит из села Терновки Пензенской губернии.

Здесь в 1875 г. родился отец писателя Павел Иванович Задорнов. Он окончил Казанский ветеринарный институт, затем Высшие бактериологические курсы в Петербурге и уехал с семьёй в город Верный (ныне Алма-Ата), где стал первым русским ветеринарным врачом, делавшим прививки скоту. После революции Павел Иванович жил в Чите, где был весьма уважаемым специалистом и заведовал ветеринарной клиникой. В 1932 г., когда в Читинской области начался падеж скота, Павла Ивановича несправедливо обвинили в умышленном его истреблении, арестовали и отправили в иркутскую тюрьму. Там он заболел сыпным тифом и умер до суда 57 лет от роду. Николаю Павловичу выдали его тело, и он сам в одиночку вырыл могилу и похоронил отца на берегу Иртыша. Для него это стало страшным потрясением...

В 1957 г. Павла Ивановича реабилитировали. Вот только сыну сообщить об этом забыли! И Николай Павлович до самой смерти жил с тяжким грузом на душе, пытаясь литературным трудом доказать верность семьи Отчизне!

В Пензе, на Боголюбской, появился на свет и старший брат Николая Задорнова Борис. Он первым ещё в юности заметил его литературный талант и сказал матери: «А ведь Николай у нас будет писателем». Сам Борис всерьёз изучал биологию, окончил два ин-

ститута, написал диссертацию, которую накануне защиты у него украли. Это обстоятельство, а также арест отца Павла Ивановича и скоропостижная смерть его стали причиной душевной болезни Бориса. В 1943 году в возрасте 39 лет он скончался от голода...

Приехав в Пензу в 1950-х гг., Николай Павлович разыскал на Мироносицком кладбище могилу любимого брата – по его просьбе на ней установили оградку и памятник. А сам Николай Павлович привез с собой горстку земли с места захоронения Бориса – она до сих пор хранится в семье Задорновых!

Дети Николая Павловича – Людмила и Михаил – тоже не раз бывали на его исторической родине. А в 2019 году при активном участии Людмилы Николаевны, передавшей личные вещи своего отца Литературному музею, в его стенах был открыт Кабинет Н.П. Задорнова.

Примечания

1. Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 189.
2. Задорнова Л.Н. Папина семья // История рода. М., 2009. С. 7–17.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ ЗАБЫТОЙ ЖЕМЧУЖИНЫ

Есть в Тамалинском районе Пензенской области настоящая жемчужина – село Зубрилово, имеющее богатейшую историю.

Восьмидесятые годы XVIII столетия, «века громких военных споров»: ещё впереди суворовская слава, уже позади – потёмкинско-румянцевские победы. За блестящие заслуги в турецких походах один из «екатерининских орлов» генерал-майор, князь Сергей Фёдорович Голицын получает право самому выбрать место для постройки родового имения. Так в глухом углу Саратовской губернии на границе с Пензенской и Тамбовской губерниями появляется владелец будущей Зубриловки, названной так по селу Зубрилово. Вместе с князем приходит сюда драгунский полк, состоящий из 24 эскадронов. Голицын оглядывает окрестности и намечает место, где стоять дворцу. С одной стороны местность была окаймлена полноводным Хопром, делающим здесь поворот. В долине реки возвышался холм, где и должна строиться будущая усадьба князя. Три года стояли в Зубрилово на квартирах голицынские драгуны. Они и местные крепостные стали строителями этого удивительного памятника архитектуры раннего классицизма. Автором проекта Зубриловки считают знаменитого итальянского зодчего Джакомо Кваренги.

В центре холма – трёхэтажный дворец с боковыми флигелями, с оранжереей и зимним садом. Перед домом – фонтан, цветники, а на север уходит широкая аллея, возвышается однокупольная церковь. Широкая лестница дворца украшена мраморными фигурами. Жена Сергея Фёдоровича Голицына – племянница всеильного Потемкина – очень полюбила Зубриловку. Их гостеприимный дом был открыт для многих известных людей. В

*Ермишина Нина Михайловна,
с. Зубрилово.*

разные времена и при разных хозяевах здесь побывали знаменитые гости: И.А. Крылов, Г.Р. Державин, Ф.Ф. Вигель, П.А. Вяземский, И.И. Лажечников. Некоторые произведения появились именно в Зубриловке. Например, «Свинья по дубом» Крылова, «Осень во времена осады Очакова» Державина.

Великолепны зубриловские пейзажи. Мы можем увидеть их воплощение на полотнах известного художника В.Э. Борисова-Мусатова.

Можно бесконечно бродить по старому зубриловскому парку и открывать для себя тайные страницы прошлого. Храм

Усадьба Прозоровских – Голицыных, с. Зубрилово.

Спаса Преображения. Он построен в 1796 г. Его стены помнят многих Голицыных.

Не менее интересна история имения в конце XIX – начале XX веков. Восстановленная после революционных пожаров и грабежей, жила она и во время Великой Отечественной войны, и в послевоенные годы. Вначале здесь был госпиталь для раненых, затем санаторий. Но, к сожалению и нашему стыду, конец XX века стал началом гибели этого замечательного памятника архитектуры. Уныние, разруха, укор потомкам исходят от некогда великолепного дворца... А ведь здесь есть что посмотреть и узнать.

Время стирает историю, в настоящем у усадьбы так и не появился хозяин, который взялся бы за восстановление прежнего облика. Но легенды и предания оживают из уст местной жительницы Нины Михайловны Ермишиной, которую знают не только в Тамалинском районе. Долгие годы работала она в

сельской администрации, а по выходе на пенсию полностью посвятила себя краеведению. Кажется, она знает о Зубриловке всё. Любимые места Голицынской семьи в парке, непроторённую дорожку к «Вислому камню», от которого черпал вдохновение писатель Евгений Белякин, историю о башне-руине и гробнице Спасского храма. Дважды у жителей Зубриловки были надежды на восстановление усадебного комплекса. В 1980-х гг. на территории села силами Тюменских профсоюзов был построен оздоровительный лагерь «Мега» в честь города Мегион. Были планы и по усадьбе, но начавшаяся «перестройка» так и не позволила им осуществиться. В 2000-х гг. на зубриловские земли и объекты положил глаз Московский бизнесмен, шурин московского мэра Юрия Лужкова, Виктор Батурин, но реставрационные работы закончились на установке двухметрового забора по периметру усадьбы.

Храм Преображения Господня, с. Зубрилово.

Есть у Нины Михайловны мечта, правда пока несбыточная – восстановление усадьбы: «Хочется, чтобы село жило, чтобы были рабочие места, чтобы заросший парк превратился в ухоженную зону отдыха и от туристических групп отбоя не было, чтобы ожила Зубриловская жемчужина». Но мечты, мечтами, сколько всего сделано и сколько предстоит, ведь Нина Михайловна стояла у истока проведения первых литературных чтений «У Вислога камня», которые впоследствии стали ежегодными. Бережно хранит она воспоминания и о сельской девочке Марине, которой посмертно суждено было стать в 17 лет первой женщиной Героем Российской Федерации. Предупреждает Нина Михайловна туристов о коварстве реки Хопёр расположенной в селе. Ведь именно река виновна в трагедии, произошедшей с Мариной – ценой своей жизни спасшей из воды троих детей.

В апреле 2019 г. Н.М. Ермишина разгадала ещё одну загадку усадьбы. По просьбе Пензенского поискового отделения она провела собственное историческое расследование, нашла место на кладбище, где захоронены солдаты, умершие от ран в эвакуационном госпитале. На этом месте был установлен мемориал.

У Нины Михайловны много дел – восстановление памятника, посвященного Великой Отечественной войне, расчистка парка силами волонтеров из Пензы, методическая помощь юным краоведам и, конечно, проведение экскурсий. А долгими зимними вечерами рождаются вышитые картины – шедевры, которые ждут своей премьеры на событийном межрегиональном празднике «Зубриловские жемчужины». Пока есть такие люди, как Нина Михайловна, село живо, история под защитой и теплится надежда на восстановление забытой жемчужины.

В настоящее время на территории Наровчатского района Пензенской области сохранилось единственное мордовское село Новые Пичуры, где проживает трудолюбивый, со своими самобытными традициями народ, который бережно хранит тысячелетнее духовное наследие своих предков. Из поколения в поколение передаются традиционные мордовские костюмы. Далеко за пределами района пользуется известностью фольклорный ансамбль «Келуне». Ему аплодировали не только Пенза и Саранск, но даже первопрестольная Москва.

Сегодня для туристов в селе Новые Пичуры проводятся этнографические экскурсии, где гости знакомятся с культурой, обычаями и обрядами мордвы-мокши.

А.Г. Сохряков

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, ПЕСНИ И ОБЫЧАИ МОРДВЫ-МОКШИ НАРОВЧАТСКОГО РАЙОНА

Предания и легенды

Мокшанская царица Нарчатка

По берегам реки Мокши исконно жила мордва-мокша. А правила ей вдовая мордовская царица Нарчатка. Белокаменный её дворец находился на месте нынешнего Наровчата. Мордва занималась земледелием, в лесу охотилась и борты с пчелами водила помногу. Богато жила Нарчатка, было у неё всего много: и скота, и меда, и хлеба. Имела большой табун лошадей. И войско у неё большое было.

В годы лихой години, когда на землю мокшан напали татары, собрала Нарчатка своё войско и смело вступила с ними в борьбу. Долго продолжалась битва. А дело было зимой, битва была на льду реки Мокши. Одолели мордву татары, и когда многочисленное войско мордвы полегло, Нарчатка, чтобы не сдать в плен, бросилась с конём в прорубь на Пенясево заводе и утонула.

Тюштя

Последний мордовский царь жил недалеко от Наровчата. А когда ногайцы стали завоевывать мокшу, Тюштя покинул свою родную землю. Сел он верхом на коня и поскакал на восток. Прискакал в большой лес, поднялся на дерево и вознесся.

Записал И.М. Королев в с. Старое Дракино Ковылкинского района Респуб-

лики Мордовия, бывшего Наровчатского уезда Пензенской губернии от С.И. Солдаткиной, 1886 г.р., в 1959 г.

Нарича

Недалеко от Сканского монастыря была пещера. Как рассказывали, она раньше служила для обороны. Пещера находилась под рекой Мокшей и доходила до противоположной стороны Наровчата. Через эту пещеру, которой пользовались монахи Сканского монастыря, Тюштя выводил мокшан на борьбу с ногайцами. У Тюштя был дворец. От ногайцев Тюштя бежал в сторону Рузаевки, там поднялся на большое дерево и вознесся.

Записал И.М. Королев в с. Старое Дракино Ковылкинского района Республики Мордовия, бывшего Наровчатского уезда Пензенской губернии от С.И. Солдаткиной, 1886 г.р., в 1959 г.

Татарский проезд

К юго-западу от села Алькина есть овраг, который называется речкой Городок. Говорят, здесь жили татары. Старые люди и молодые это удобное для проезда место называют Татарский проезд. Рассказывают, по берегам этой речки были дворы, ток, подвалы и другие укромные места. И сейчас, говорят, будто у них есть тайник, который никому не удалось найти. И до сих пор там находится оставленное ими

*Библиотекарь села Новые Пичуры
В.П. Цыганова.*

добро. Были любители, которые ходили искать клад, но им что-то мешало, и вернулись они ни с чем. Который рассказ вернее – никто не знает и пока остается загадкой.

*Записано от М.Т. Кичкиной, 59 лет.
(Архив Наровчатского краеведческого музея).*

О родниках села Алькино

Я тогда ещё молод был и любил поиграть по праздникам. Соберемся, бывало, с друзьями и идем к большому колодецу, из которого вода прыгает выше, чем рост мужчины. Вырубим длинную жердь, опустим её в колодец, чтобы измерить

глубину, но дна не достать. А жердь назад выпрыгивает, будто кто-то её оттуда выбрасывает. Этот родник называют бездонным. А почему он, бездонный? Привязывали на конец вожжей большой камень и опускали в тот родник. Вожжей привязывали штук пятнадцать, а камень все не достает дна. В какое-то время среди населения произошли волнения, мол, этот родник потопит село. И посоветовавшись, они решили закрыть его. Все сельчане возили на лошадях камни и бросали их в родник. Но родник закрыть не могли. Ещё в том месте метрах в ста пятидесяти есть родник, который называют бурлящим родником. Бурлящим называют потому, что вода в нем кипит и бурлит вместе с песком. Воды в этом роднике также много, но он не глубокий. Теперь родники, конечно, не такие. Воды из них исходит очень много, но она не выпрыгивает, и дно видно. Глубина их сейчас метра полтора, однако вода в них не замерзает даже в сильные морозы, и от неё исходит пар.

*Записал С.А. Кичкин от В.С. Фудина
(Архив Наровчатского краеведческого музея).*

Из истории села Паны

На месте села Паны в давние годы жила одна мордовская семья. Нераздельно жили три родных брата с семьями: Панка, Сурка и Пичурка. Были у каждого из них не только дети, но и внуки. Трудились, жили в достатке, всего было вдоволь. Да пришла беда: перестали ладить между собой жены братьев и жены сыновей. Что ни день, то брань да драка. Думали братья, как навести порядок в семье, да ничего не придумали. Хоть и жаль было семью рушить, однако решили разделиться, но друг от друга далеко не уходить. Разделились и отошли на недалекое расстояние: Панка, как старший, остался на месте: от его семьи село Паны, а от семьи Сурки – Суркино, от Пичурки – Пичуры. Старым это село стало называться после того, как около ста пятидесяти лет тому назад от него

отстроилось село Новые Пичуры. Это предание подтверждается археологическими находками и другими данными. Так, на территории села Паны и ближайших его окрестностей несколько раз находили мордовские украшения, а самый лучший родник называется Мордовским.

Записала М.Е. Афиногенова в селе Паны со слов М.З. Пихтелева, 85 лет, в 1945 году. (Архив Наровчатского краеведческого музея).

Как один мордвин торговался в церкви при покупке свечи

Прежде в мордовских селах церквей не было. Село Пичуры располагалось близ русского села Телешовка. И в нём не было церкви. Когда от властей пришло распоряжение строить в селах церкви и кабаки, жители этих сел собрали сходку. Обсуждался вопрос о том, в каком селе строить церковь, а в каком кабак. Русское село Телешовка согласилось построить церковь. В постройке церкви участвовали и мордва, для этого они пожертвовали часть своей земли. Как в праздничные дни ударят в колокол – отдельные старики и старушки села Пичуры шли в церковь богу молиться. Остальные собирались в кабак.

Один старик – мордвин из зажиточных, отроду не представлял, что такое церковь и как молиться в ней. Зашел в церковь, не сняв шапку. Приходит церковный староста, продающий свечи. Староста говорит ему:

– Что шапку не снимаешь? Ведь ты находишься в церкви.

А он отвечает:

– Я не знаю этих порядков. А почему, – говорит, – эти штучки?

(он даже не знал название свеч).

Тот отвечает:

– Две копейки.

А старик говорит:

– Очень дорого, – и отошел к народу.

Когда отходил от старосты, произнес:

– Постоишь, постоишь, подешевле отдашь, уступишь небось.

Когда кончилась обедня и народ стал уходить, он подошел к старосте и спрашивает:

– Ну, теперь почему отдашь?

А тот отвечает:

– У нас здесь не торгуются, остается прежняя цена.

Старик на этот раз говорит:

– Ну, тогда делать нечего, придется взять. Так бы не взял, но гуся зарезал для праздника Николая-Чудотворца.

Записал Л.С. Кавтаськин в с. Старые Пичуры Торбеевского района Республики Мордовия, бывшего Наровчатского уезда, в 1951 г.

Песни

О рекрутчине

Записаны наровчатским помещиком И.Т. Шишкиным (1793–1862, г. Наровчат), от крестьянина-мордвина Воробьева, волостного головы Наровчатского уезда Пензенской губернии. Опубликовано в сборнике «Век», 1861. №48.

...Сердечный, сердечный Григорьев Васенька, белый хороший, красивый, маковский, колокольный голосок! Васенька мой собирается на улицу, наряжается, зовет с собою сестру Аксинью.

Пойдем Аксинья, пойдем сестрица; сходим на улицу поиграть, поплясать, шутки пошутить; может быть и Родионову Хавронью увидим; а она, как осенняя медовая сыта.

Оделась харя – Аксинья, нарядилась. Тут пошли на улицу всячески играть, плясать и песни петь. Вышла Родионова Хавронья, черная рубашка на ней, худой платок на голове. Вопит она, плачет! Что за черное горе! Пропади ты совсем за эдакий плач и наряд!

Двор полон больших бояр; передний угол полон вострых писарей; стол устлан белыми бумагами; письма пишут, указы читают. И записали первого Григорьева Васеньку, белого, хорошего, красивого – маковский колокольный голосок.

Всплеснули обе руками и тут же домой побежали.

Сердечный, сердечный Осипов, хороший Ванюша! Везет он у богатого мужика на гумне чистую ржицу; легкого дерева липы лопата у него в руках; полушубок на нем в Муроме купленный; кушак хороший, шапка базарная плисовая; рукавицы по локоть. Мать, взявшись за сердце, ходит за ним:

– Домой, Ванюшка, – говорит, – домой, дитяtko, ступай, братья зовут; очередь выкликать!

– Говори, матушка, прямее: которого сына в солдаты отдашь, которую сноху солдаткою оставишь?

– Если я отдам большого сына, у большого сына детей много; поить, кормить будет некому. Среднего сына отдам, жена больно удачна.

– Не пойду на выключку, матка, не пойду. И без выключки солдатом буду.

* * *

В Пензе Указы читают, в Москве письма пишут, про татарский набег говорят. Татарин услышал – плачет; льются у него слезы; взял, да из дома семью скрыл. Кривая Федосья не скрылась.

Жалко Федосье ребятишек; на дворе скотина; на гумне одоньи. Затопила Федосья печь; дрова горят с пылом, чугунок кипит с шумом. Плачет, рыдает, ан глядит старики идут.

Кто побойчее-то из них, каштаны; те ногами затопали. Кривую Федосью с обеих сторон рвать начали; холодной водою поливали.

– Скажи – говорят, – где твой?

– Нет у меня, – отвечает отца и матери: нет и братьев.

Колокольный звонок слышен; солдатский небольшой идет.

– Ох старики, мужики, вы какое дело делаете. Нам не девичий нужен набор, а мужичий.

Из шапки платок бросил. Федосье под ноги подстлал; с шеи крест снял, Федо-

сье на шею повесил; из татарской веры вывел, в русскую веру пустил; за себя замуж взял; солдатскую очередь зачел. Татарин тогда семью вывел.

– Ах, Федосья, дочка, – говорит татарин: скотина, какая есть, это твоя будет, гумно одоньев полно, это твое буде; все это за то, что братнины души выкупила.

* * *

Сердечный от другой жены Савелий, грешный от другой жены Савелий;

По многим городам заживал; много городских ворот отваривал;

Много господ одаривал; много господ считывал;

Всех господ задаривал; всех господ счел,

А самого главного боярина не одарил, не задаривал и не счел,

И Савелий голову свою не выкупил.

В большой город его взяли, в рекрутскую ввели, на железный стул посадили,

Сердечного Савелия обрили.

Савелий правую кудрю взял, над городскими воротами привязал.

Напал на кудрю зимний снежок; занесла рождественская вьюга;

Напал крещенский иней; сделались о масленице тали;

Махнул сильный ветерок; сронил кудрю с городских ворот;

Текучая вода его взяла; пониз воды его унесло;

В большие луга стащило; за ивовой сучок зацепило;

Пролетала кукушка, с ивового сучка взяла да в большой лес принесла;

В дупло липы пустила; гнездышко сделала: три яйца снесла;

Вывела трех птенцов; одного зовут кукушкой, другого соловьем, третьего щеглом».

(Архив Наровчатского краеведческого музея).

Эта песня о мордовской царице, в которой говорится о тяжелом татарском иге.

Записал в 1916 г. сотрудник Саратовского археологического музея И.Ф. Садин в мордовских сёлах уезда.

На берегу стояла она
И думу думала,
Как я буду жить одна,
Без народа.
Горько платить мне
Вдовью дань:
Не заплатишь дани –
Пойдёшь просить их (татар),
А заплатишь дань-
Самой нечем жить.
Чем на свете так жить,
Лучше умереть.

(Архив Наровчатского краеведческого музея).

Обряды и обычаи

Моляны села Алькино

Когда наши предки пришли на это место, они уже были крещены, но старой веры не бросали. Были у нас четыре моляна. Всем селом выходили молиться, угощение к этому дню готовили. Церквы у нас долго не было. Приезжал несколько раз в год священник крестить, венчать, отпевать, причащать.

Четыре раза в год молились и стали потихоньку привыкать к христианской вере, стали на молянах и христианские молитвы читать. Ну и свои старые тоже.

Первый молян у нас был в четверг перед Троицей и назывался он польская мольба (Панк озкс). Об урожае молились. Всё село выходило и напротив безымянного родника на полугоре, где стояли раньше толстые пеньки полукругом. Один из них был высотой с человека, а в нём находилась развилка с дуплом, в котором небольшой сундучок стоял. Собираясь на молян каждая хозяйка брала из дома лучшее угощение. Часть продуктов складывалось в общую кучу для детей и стариков. Иногда старики брали часть угощения и уходили подальше от народа, там молились, читая старые молитвы, съедали продукты и воз-

вращались. Народ на молянах становился на колени. Когда заканчивали молиться, начинали пировать.

Угощением делились друг с другом. Каждый брал и из чужой чашки, что нравилось. Нам ребяташкам кидали яйца. Остатки угощения складывались в сундучок, что стоял в дупле для угощения бога.

На Троицу второй – бычий молян (Быка озкс). Покупали всем селом вскладчину быка, которого резали в этот же день и варили в больших котлах. К дню моления варили общественное пиво. Для этого ездили по селу и каждый насыпал установленную меру хлеба. В селе было три поварни (пивоварни). Самогон тогда никто не гнал. Быка озкс был у наших прадедов когда они ещё не были крещены. Это моление у нас было у большой ветлы, которая и по сей день жива. Собирались, молились, в больших котлах быка варили и всем делили хлеб и по куску мяса. Быка озкс проводился на Троицу в селах Старые и Новые Пичуры.

После Троицы в первую пятницу был третий молян – овечий (уча озкс). Здесь уже пива не варили, а резали общих овец для угощения. Была эта молитва в честь апостола Петра, а в старые времена, до крещения, молитва эта была в честь татарина – хранителя мордовских полей. В этот день резались для угощения только овцы, и никто из мордвы в этот день не резал свиньи и не ел свинины. Этот день был для татарина честь, а татары свинину не едят. Наши деды так говорили: «Татарин хранит мордовские поля».

Четвертая молитва была осенью в Семин день. «Семён ши» – по нашему называлась. В этот день варили общее пиво, скотины не резали. Брали на угощение из дома блины, блинчики, кашу молочную. Эта молян был у наших дедов и до крещения и после. Таким образом выражалась благодарность богу за урожай.

У нас кроме молянов и другие обычаи были. На Николин день (6 декабря)

На празднике в Троице-Скановом женском монастыре.

обязательно гуся варили. В Великую субботу, перед Пасхой, в каждом доме обязательно пекли «перяк», пышки с пшенной кашей. Ели их и молились – радовались наступающей Пасхе. Старые люди недавно бросили говорить при входе в чужую избе: «Сюк куд», кланююсь вашей избе по-русски. Войдет помолится и сюк куд скажет.

Записала М.Е. Афиногенова в селе Алькино со слов В.С. Фудина, 92 года, в 1927 г. (Архив Наровчатского краеведческого музея).

Молян Калдас

Накануне праздника хозяйка ставила хлеб. Утром замешивался пресный чукер (хлеб из пшенной муки) и варилась баранина-грудинка. Приготовленное мясо и чукер складывали в разостланное сено на лавке или на одну из полок в избе. Затем ехали в церковь, где служили молебен

Фролу и Лавре. По возвращении из церкви зажигались свечи и молились о здравии и приплоде скота. Кто-либо из старших в семье окуривал двор ладаном. Животных угощали кусочками чукера. Вся семья ела праздничный хлеб и мясо.

Некоторые справляли этот молян иначе. Отслужив молебен в церкви. Вся семья выходила во двор. Кто-либо из старших нёс в руках хлебец с накрошенными на него кусочками баранины и кувшин браги. Давали по снопу и куску хлеба скоту. Затем в углу хлева крошили немного хлеба и мяса землю поливали брагой – угощение для домашнего. В этот день мордва не резали свиней и не ели свинину т.к. хранитель домашнего очага – домовой татарского происхождения.

Сватовство и свадебные обряды

Обряд сватовства и свадьбы во всех мордовских селах Наровчатского уезда обычно был одинаков, за несколькими незначительными отличиями. Свадьбы играли после завершения всех полевых работ. Брачный возраст преимущественно был с 17–20 лет. Браки по принуждению были очень редки среди мордвы. Парни и девушки играли и пели по вечерам и определялись в пары. Каждый парень играл с девкой, которую хотел взять в жены. Днём считалось нехорошо быть вместе. Когда родители задумывали женить парня, обязательно спрашивали: «К кому ехать свататься?» И сын обыкновенно скрытый от родителей в своих сердечных делах, здесь открывал родителям имя девушки, с которой играет. Отправлялись сватать девушку человек пять – родители жениха и трое сватов из родственников или посторонних, но в сваты выбирались всегда люди уважаемые и говорливые. Сваты несли в карманах водку. Родители невесты при входе сватов, тихонько отзывали дочь и спрашивали: «Принять ли сватов». Если дочь соглашалась, то сватов очень любезно принимали и разрешали им сесть и начать сватовство. Если дочь

Третий день Троицы. Посещение подруг. Село Промзино. 1925 г. Из фондов ПГКМ.

не соглашалась, то сватьёв бесцеремонно выпроваживали. Сватовство состояло из лады т.е. ладятся, сколько жених должен дать родителям невесты «на стол», за то, что её кормили, и что жених должен справиться невесте из одежды. Почти всегда жених покупал невесте шубу, шаль, сапоги, 1–2 запона. Когда сладились, сваты вынимали из карманов вино, а родители невесты ставили на стол еду. Свадьба совершалась через 2–3 недели. В первую же среду (в этот день в Наровчате всегда был базар) жених, невеста и их родители едут в город покупать слаженные наряды. Жених и невеста до свадьбы видятся тайком, где-нибудь на погребце.

В день венчания мать жениха и 8–9 мужчин (по числу родственных дворов) и два дружки ехали за невестой. Когда подъезжал свадебный поезд, невеста выбирала двух подруг, которых накрывали с головой и заставляли будущую свекровь угадать, которая её невеста. Если ошибалась, платила деньги той, которую ошибочно указала. После обряда угадывания невесту наряжают в две рубахи и сверху обычно повязывают платок.

Пока снаряжали невесту, гости прощались, а девушки в это время катались на лошадях. После того как невесту оденут, начиналось её благословение. Во время благословения родителями и крестными отцом и матерью невеста обязательно плакала и причитала. Перед венчанием в церкви все гости обходят с иконами свадебный поезд.

Сватовство и свадьба в семье А.Е. Пиксайкина, из села Алькино.

Задумал я жениться, а денег на свадьбу нет. Решили мы с отцом, что наймусь батраком пасти коров. Подработаю вот, и будут деньги на свадьбу. Нанялся пастухом. Осенью можно жениться, а невесты ещё нет. Днём пасу, а вечером на улице присматриваюсь к девушкам из нашего села. Остановил свой выбор на одной, зовут её Татьяна. Девушка хорошая, знакомлюсь ближе, вижу, и она ко мне относится хорошо. Незаметно за работой и осень подошла, я свободен и деньги есть и невеста тоже. Спрашиваю Татьяну: «Пойдешь замуж?». Отвечает: «Пойду». Мой отец послал своего брата к отцу невесты уз-

нать, примут ли сватов. Получив положительное решение, отец, мать и дядя пошли сватать, прихватив с собой четверть вина. Родители Татьяны их уже ждали. Её отец сказал, что он и мать ничего не имеют против нашего брака, если мы сами согласны и велел позвать меня. Как только я вошел мне поднесли стакан вина, и я тут же при всех спросил Татьяну: «Пойдешь?». Она ответила «Да», и ей тоже поднесли стакан вина, она его взяла и выпила. Как только девушка берет стакан, значит, она согласна. Я, видя, что делать мне больше нечего ушёл. Наши родители помолились, стали уговариваться. Невесте (на стол) запросили 20 рублей деньгами, 1 пуд мяса и вина. Из одежды ей покупать ничего не приходилось, у неё всё было и мои родители согласились. Через несколько дней родные невесты, 8 человек пришли к нам. Этот обряд называется «Васта ваномс» (Место смотреть). Мы их угостили. Когда гости уходили я им кланялся в ноги, а они меня одаривали деньгами. Набрал я 3 рубля. Они взяли с собой вино, которое выставлялось на стол. На другой день мои родные ходили к родителям Татьяны. Этот обряд называется «Прокс соимме» (Правда сватать) и «Отирвина» (Девичье вино пить). Их там угощали, и невеста должна была одаривать моих родных. Накануне свадьбы поехали исполнять обряд «Позялонь путыма» (С долгами рассчитываться). Взяли с собой кувшин браги, лапшу и мясо. Когда стали собираться домой, моему маленькому брату Татьяна подарила платок, он ей 15 копеек денег. Матери и отцу по полотенцу, а они ей по 3 копейки дали. Матери Тани мои родители дали 40 копеек, за то, чтобы она встала с невестиной постели, куда она села, как начали их одаривать. Мать невесты всегда садится на её постель и встает тогда, когда ей сделают подарок. Утром в день свадьбы отец послал двух девушек звать гостей – «Кудатькень». За невестой поехали на 8 подводах, при 10 лошадях, две были запряжены «гусем». Ворота невест-

тино дома были заперты. Её брат просил выкуп. Откупили ворота деньгами, потом выбежали из дома девушки, подруги Татьяны и стали снимать с головы шапки, которые нарядили лентами и за деньги вернули обратно. Затем вошли в избу. Моя мать незаметно положила 3 копейки, одну под дверь на пол, другую в печурку, что впереди печи, третью в передний угол. Невеста, вместе с подругами, сидела в избе головы их были покрыты платками. Мать должна была угадать, которая из них невеста. Мать не угадала и поднесла вина Татьяниной подруге.

Так как до церкви было ехать далеко, часть обрядов мы пропустили и перешли к обряду «Эземь бре». Это когда невеста садится вместе с подругой на свою постель и начинает плакать и громко обращаться ко всем родным. Каждый ей советовал: «Живи хорошо!». Потом её благословили и подруги под руки повели Татьяну из избы в кибитку из прутьев покрытую вышитым покрывалом, называемым «онова». С невестой в повозку села сноха – «орцава». Тем, кто делал кибитку, поднесли вина. Поезд тронулся, лошади наряжены лентами и бумажными цветами и колокольчиками. Недалеко от дома поезд остановился. Один из гостей «Торай гандысь» (главный шафер, что несёт иконы), в одной руке икона, в другой нож побежал вокруг поезда, нагибаясь, делая на земле ножом кресты. За ним побежал другой гость, с кнутом намахиваясь на первого. Так обежали они вокруг поезда три раза. Это делается для того, чтобы колдун молодых не околдовал. Поезд тронулся дальше. Когда въехали в с. Алькино, поезд к церкви поехал тише. После венчания поехали обратно. Во дворе у нас собрались бабы и девушки, как только мы подъехали, они начали невесту позорить, т.е. петь про неё всякое, кто что знает, выказывая её плохие стороны. Это делается для того, чтобы молодая не зазнавалась перед семьей мужа. Я взял скорей Татьяну за руку проводил в избу брата. Здесь мы

побыли с ней одни больше часа. В избе брата стоял сундук с нарядами Татьяны, а в него её мать положила полбутылки вина и закуску (это всегда так делается) и мы с ней поели. Гости угощались у нас в избе и каждый из гостей принёс по хлебу. Через час за нами пришли девушки, они одели Татьяну в семь рубах, так чтобы были видны все вышивки. Затем надели «каркс» (пояс), «кеска-руця» (вышитое полотенце, принадлежность старинного мордовского костюма), старинный запон, (вышитый и расшитый блёсками до половины), «кургане» (бисерная накидка), шаль, а поверх её «ашкоркс» (полоска холста, обшитая кумачом или сатином и украшенная бусами, стеклярусом, бисером, пуговицами. После того как традиционные головные уборы исчезли из быта мордвы, её стали носить поверх платка). Когда Татьяну одели, она стала очень толстая. Торай гандысь взял невесту за руку и повёл нас к гостям. В избе поставили нас в угол около русской печи. Начался обряд «Лемдемь» – молодой давали новое имя. Торай гандысь взял каравай хлеба и погоорив с другими дотронулся до лба Татьяны говоря: «Тезей, Павай, Вежей, Мазый» (которое имя хотят дать, говорят последним). Все закричали: «Мазый, Мазый» (Красавица). Этим именем женщину зовут всю жизнь младшие члены семьи мужа. Муж зовет по имени, свекор и свекровь «Рвене» (сноха). С Татьяниной стороны гуляли на свадьбе только трое – брат с женой и один родственник. Родители невесты никогда на свадьбе не гуляют. После «Лемдемь» Торай гандысь взял стакан вина и поднёс его моему крестному отцу. Невеста поклонилась ему и подарила ситцу на рубашку. Крестный выпил и отдал ей деньгами. Затем Торай гандысь поднёс вина моему отцу. Татьяна ему поклонилась и подарила ситцу на рубашку, а он ей подарил деньги. И так всей родне. Моей матери сшитую рубашку, моей бабушке полотенце, дяде, зятю и самому Торай гандысь всем по рубашке, а

*Жительницы села Вечкинино
Наровчатского уезда
в национальных костюмах.
Из фондов ПГКМ.*

они отдаривали её деньгами. Остальным гостям Торай гандысь подносил вина, а мы низко кланялись. Затем все ушли гулять, ходили по дворам к каждому, кто был на свадьбе. У Татьяны же собрались подруги, она их угощала брагой и подарила по кольцу.

На пятый день за моей женой приехал отец. Татьяну снова нарядили в семь рубах, и отец взял её домой. Отец её ехал на лошади тихо, а Татьяна с девушками шла за ним пешком. Через неделю моя мать съездила за женой. Молодые женщины у нас долго не садятся за стол, едят стоя. Иногда до тех пор, пока не родит ребенка, но мои родители на другой день посадили жену за стол. Перед масленицей Татьяну опять брали к себе родители на неделю. На масленицу я сам поехал за женой, а тесть подарил мне шапку.

Записано со слов жениха Игната в 1927 г.

Обряд сватовства и свадьбы, записанный в селе Новые Пичуры

Мать жениха идёт к невесте договариваться о сватовстве, с собой берёт чекушку самогона. Как только договорятся, мать невесты ставит на стол хлеб и соль и зажигает свечу. Затем все начинают молиться, за то, что их дети сходятся, и они роднятся. После этого мать невесты дарит матери жениха полотенце или ткань на рубаху. Обычно свадьбы в селе бывают на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. На запой приглашаются самые близкие родственники. На запой идёт и жених. С собой берут четверть самогона и круглый хлеб, завернутый в полотенце.

Сватовство (ладяма)

Подойдя к дому невесты, родственники стучат в дверь. Мать невесты: «Кто идет к нам? Ой, ой отец, гости неожиданные. Проходите в дом, через порог не говорят». Гости говорят: «Мир вашему дому» и слышат в ответ: «С миром принимаем».

Гости: «Мы вот к вам пришли за ярочкой. Слышали, что вы продаете».

Хозяева дома: «Да, ярки у нас есть. Вам постарше или помоложе?». «Нам бы молодую...».

Отец зовет дочь. Гость-отец, обращается к сыну: «Ну, сынок, эту что ли ярку возьмём?». Сын отвечает: «Эту». Родители жениха ставят на стол хлеб и вино. Зажигают свечи (приносят с собой) и молятся. Родители невесты приглашают всех гостей за стол и затем разламывают хлеб, принесенный родней жениха. Когда хлеб разломлен, считают, что сватовство состоялось. Обычно на стол ставили также блины, блинчики, огурцы, помидоры из кадушки. Мать невесты дарит всей родне жениха подарки. Затем приглашают жениха и невесту, они ни в коем случае, не должны сидеть за столом. Их угощают стаканом вина, которое они стоя выпивают. Невеста с женихом покидают старших. А родители и гости продолжают гулянку, обговаривают предстоящую свадьбу. Пока идёт сватовство молодежь на улице ломают завалинку у дома невесты. Затем все гости с пляской под гармонь и балалайку идут в дом жениха. У жениха, сидя за столом, назначают дату проведения свадьбы. Обговорив, исполняют песню: «Эх, хоть и шачень – удалань».

Приготовление к свадьбе (свадьбань анокламс)

В период подготовки к свадьбе мать жениха приходила угощать невесту, приносила самую лучшую еду (халву, цюкер, мясо, хлеб, яйца) и обязательно лесные орехи. Мать невесты накрывала для неё стол.

Невеста в это время занималась подготовкой приданного. Она приглашала трёх подружек (больше не разрешалось) и свою родню – молодежь. Сначала девушки начинают вышивать для невесты подвенечную рубаху, потом два полотенца для венчания. Затем вышивают рубаху для матери жениха, покрывало, которым будут накрывать

свадебную повозку (это называется вельхтерда). В основном работали по вечерам. За это мать невесты их угощала.

Свадьба (свадьбась)

Накануне свадьбы подружки невесты топят баню и приглашают жениха и его друзей. Жених платит за вход. Девушки готовят различные «сюрпризы»: отсутствие горячей или холодной воды, веники из крапивы и т.п. Также подружки после застолья с песнями и плясками везут приданное в дом жениха.

С утра в доме жениха начинают наряжать лошадь и повозку. Дугу обёртывают красным материалом, и на её середину привязывают колокольчик, к голове лошади подвязывают погремушки. В повозку садятся свекор, свекровь и жених. Все гости одеты в лучшие одежды, обязательно обуты в лапти, но жених обувал хромовые сапоги. Если богатый жених, то брал три лошади, а если бедный – одну. С собой брали хлеб вино-чекушку.

До приезда жениха подружки одевают невесту и поют песни. На пороге дома гостей с хлебом и солью встречает старик. Родители жениха и невесты делают по глотку вина, обмениваясь друг с другом стаканами. Далее входили в дом, ставили хлеб и вино на стол. А жених с родней выкупал двери. В дом его не пускают, девушки ведут торг. Выкупив, жених с друзьями входят в дом. Подруги накрывают невесту покрывалом, а рядом с невестой подсаживают подруг. Жених выбирает. Если выбор неправильный, приходится снова платить. Подруги невесты прикалывают на грудь каждому из гостей с жениховой стороны, заранее приготовленные бантики из лент. Это и дань уважения, и знак отличия от родственников невесты. Невеста одета в мордовские наряды, на голове цветастый платок.

Отодвигают стол, на скамью стелется шуба, на которую сажают невесту. Родители и крестные благословляют невесту. Во время этого обряда невеста обязатель-

но стоит и целует икону. После благословения невеста исполняет песню (называет мать ласковыми именами, прощается с нею). Пока идет благословение, подружки натягивают на повозку нарядное вышитое покрывало (вельхтерда). Перед венчанием проходят вокруг лошади и крестят один ножом, другой кнутом. Садись в эту повозку жених, невеста и свидетели. Ехали в церковь венчаться, а родители жениха собирали всю родню невесты и вели с песнями в дом жениха. Пока шло венчание, родственники жениха накрывали столы. По приезду из церкви молодых встречали родители жениха с хлебом и солью, святой водой освящали и обсыпали хмелем для счастья. Зайдя в дом, молодую затем уводили в хлев для переодевания. На невесту одевали 5–7 рубах (без рукавов), кольчугу и шапку. После одевания с жениха просили выкуп за невесту (выкупали за 1 рубль) и заводили в дом невесту. Разбивали глиняный горшок и плясали на его осколках.

Во время свадебного застолья невеста с женихом не садятся. Они стоят в переднем углу. Вначале идет их благословение со стороны родителей жениха. Кто благословлял, тому дарились «казне» (подарки). Невеста всю свадьбу должна стоять, опустив голову и потупив глаза.

Второй день свадьбы происходит в доме жениха. Молодая невеста печёт блины. На дно квашни опускают кольцо. Чтобы его достать, невеста должна израсходовать всё тесто. Затем она кладет кольцо на сковородку, которую вместе с кольцом засовывает в печь, пряча при этом сковородник. Которая из девушек достанет кольцо, та следующая и выйдет замуж.

Одна из снох ведёт молодую во двор и показывает ей, откуда она теперь будет набирать воду. Этот элемент обряда называется «нефтихът ещенеть». Путь до колодца и обратно сопровождается песнями и плясками.

Всех угощают блинами. Затем молодой невесте дают имя. Этот элемент

обряда называется «лемдемь». Арц-ава (одна из снох) даёт имя невесте, перечисляя всех по старшинству: старшая сноха – Мазый, следующая – Тезей, Вежей, Павай, Шакай. На том имени, которое получает молодая, арц-ава останавливается и три раза слегка ударяет невесту хлебом по голове. Невеста получает имя.

Через неделю после свадьбы

После свадьбы, через неделю приходят отец и мать и забирают дочь к себе в дом. А через неделю приходит за невестой мать-свекровь и уводит её назад к жениху. Всё это сопровождается пляской, гуляньей и дарением подарков.

В описании обряда использованы материалы учителей Новопичурской средней школы И.М. Конкина, Г.М. Лесниковой, Г.Н. Шиндяпкиной, директора Ново-Пичурского библиотечно-досугового центра В.С. Тремасовой. Записаны в 2002 г.

Роды, крестины и обычаи, связанные с ними

Когда Анна (её сноха) собралась родить, было лето. Анне постелили соломы в мазанке на полу. Женщина она молодая, родила скоро, так что бабке помогать не пришлось. Благополучно вышло и «место» (додо). По представлениям мордвы «додо» подушка, на которой спит ребенок в утробе матери. Поэтому подушка и место обозначаются одним словом. Место заворачивали в тряпку и помещали в старый лапоть с оборой и закапали в подполе под порогом двери в избу. Если баба перестаёт рожать, то спускается в подпол и откапывает лапоть с местом и несколько раз покачивает его за обору, ну баба и родит. О том, что Аня родит, не кому не говорили, а то от этого роженице будет трудней. Бабушка завернула ребёнка в старую отцовскую рубаху и положила пока на печку. Немного погодя, когда Анна немного отдышалась, ей помогли встать, и она вместе с бабкой и ребёнком шла в баню. Там бабушка роженицу и ребенка парила

и мыла и приговаривала: «Чеберь Псине, бумажный веничек, мон ешелеса вадница. Чистой веднет лаца. Сирекелу черяба, Монь кильгамак ешелесынза вадиксынза» (Батюшка матушка, святая парушка, бумажный веничек поглажу и вымою чистой водой. Старая береза царапается, а я тебя осторожно. Люби меня, кто тебя гладит, кто поет, кто принял).

После бани бабку пригласили в дом и угощали вином. Сегодня всё упростилось, а раньше бабка как придёт из бани, возьмет в руки нож хлеб резать, и этим ножом обведёт вокруг окон, дверей и труб, потом разрежет хлеб и всем даёт по ломтю. Все едят и молятся за здоровье роженицы и ребенка. Это для того так делалось, чтобы в избу не вошла нечистая сила. Ещё раньше над роженицей бабка замахивалась топором, чтобы выгнать родовую болезнь. Раньше ребенку отец имя давал. Как народится ребенок, бабка выходит сказать об этом отцу, а он и даст ребенку имя, что держит в руках или делает так и назовет ребенка. На гумне стоит, назовет ребенка «Тинге», в руках топор держит, назовет «Увер». Теперь ещё в некоторых семьях так делается, но больше так, где семьей заправляют старики.

На другой день, рано утром бабка пришла за внучкой нести её в церковь крестить. Кум и кума уже намечаются заранее, обычно из родни. Крестная у нас шьёт рубаху. Крестный платит за крещение и покупает крест. После крестин шли на праздничный обед. Во время обеда Анна сидела на печке, роженицы к столу не подходят. Если родит хозяйка дома и других женщин в доме нет, то роженица и блины печёт и угощение раскладывает у печки, только к столу при гостях не подходит. Когда все уйдут, роженица может и за стол сесть. Бабке дают отрез холста аршина три, да денег 10 или 20 копеек. За обедом Анна подарила куму холста два аршина, а куме платок. Это уж всегда так полагается.

Записано в 1928 г. со слов сотрудницы Наровчатского краеведческого музея М. Федоткиной.

Погребение и поминовение усопших

Отец тяжело заболел. К доктору не возили, хотела мать позвать знахарку, да отец не пожелал: «Старость пришла, пора умирать и лечиться нечего». Пособоровали. Всё время приходили знакомые, родные и спрашивали: «Что умираешь?» и просили прощения.

Отец умер утром, обмывать его собрались старики. Воду с покойника вылили в подпол. Одели отца в длинную белую рубаху и порты, что давно были заготовлены у него на смерть. Положили на лавку под образа. Приходили все глядеть и приносили с собой хлеб, кто кусок, кто и целый, клали на лавку или на хлебную полку. У нас с пустыми руками к покойнику не ходят.

Похоронили отца на другой день к вечеру. Поминали на 9-й, на – 40-й день. Служили панихиды, но главный помин у нас бывает на 40-й день. В этот день за обедней служили панихиду по покойнику и домой приглашали батюшку. Под образами в углу на лавке положили одежду отца, рубаху, портки, онучи с лаптями, чепан и шапку. Положили так, как будто человек лежит. Когда поминали, в угол обращались, как будто отец с нами живой сидит.

Это везде так у нас делается. Теперь перестали с покойниками в гроб класть вещи, а раньше клали. Если умирал старик, то в гроб клали трубку его и вино. Обычай этот и сейчас держится в Старых Пичурах. Но это было давно, сейчас у нас этого не делается.

Старшая сестра покойника вышла во двор со свечей зажженной и водой встречать душу умершего брата.

Когда поминальный обед закончился, одна из баб – старуха, взяла отцовскую рубаху и выдернула из неё нитку и о нём приговаривала: «Вот твоя рубаха». Потом из портков: «Вот твои портки». Затем из онуч: «Вот твои онучи». Далее отрезала кусочек лыка и всё говорила: «Вот твои лапти». Ниточки от отцовой одежды завернула в бумажку, и родные пошли на могилу. Взяли с собой вина, немного угощения и новую деревянную чашку с ложкой. На могиле вырыли маленькую ямку, и положили туда ниточки от одежды отца. В это время старуха говорила: «Вот твоя одежда». Затем поскоблила чашку и ложку, приговаривая: «Вот твоя чашка и ложка». Помолились. Выпили за упокой души. Уходя, отцу сказали: «Ну, теперь ты сам по себе, мы сами по себе, живи, к нам не ходи». Через год отца опять поминали, но так как я тебе рассказывала, делают только на 40-й день. Некоторые когда покойник ещё дома лежит, скоблят над ним копейку или какие-нибудь медные деньги приговаривая: «Вот тебе деньги на расход». У нас этого не делали. Чашку с ложкой, портки, рубаху отдали бедным. Когда умирает ребенок, покупают маленькую деревянную чашечку и скоблят её над могилой, вроде как ему дают чашечку для еды. Чашку эту после пускают в родник – прохожие из неё пьют воду и поминают детскую душу.

*Записала М.Е. Афиногенова со слов
Анны Федоткиной в 1928 г.*

А.Г. Шариков

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ИМЕНА

Богата талантами пензенская земля. Из года в год, из века в век благодарные потомки чтят имена тех, кто своим трудом, творчеством, открытием, подвигом, жизнью украсил, возвысил историю Сур-

ского края, любимого города, области. Судьбы многих писателей и учёных связаны с Пензой. Проходя по парку Белинского или по улице Бурденко, мы часто не отождествляем название парка или

улицы с конкретным, жившим когда-то человеком. В самом деле, кто такой Белинский? Некоторые считают, что наименование «Белинский» лишь скучная дань когда-то живших людей когда-то жившему «неистовому Виссариону». Для того, чтобы ощутить масштаб личности В.Г. Белинского, необходимо познакомиться с его произведениями или хотя бы со статистикой. По подсчетам профессора В.В. Шелохаева через 40–50 лет после смерти В.Г. Белинского, в девяностые годы XIX в., в российских библиотеках его произведения читали чаще других. Он продолжал оставаться известнейшим автором в России. В списке популярности после него шли: Н.И. Костомаров, Н.К. Михайловский, С.М. Соловьев, Г. Вебер, Н.М. Карамзин, Г. Спенсер, А. Шопенгауэр и др. Действительно, без В.Г. Белинского невозможно представить себе литературную и общественную жизнь России, начиная с 30-х годов XIX века. Сбылись, отчасти, конечно, мечты Н.А. Некрасова 1865 г., высказанные в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

*«Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого –
Белинского и Гоголя
С базара понесет?».*

Земляки-ученые известны пензенской публике меньше. Совсем неизвестен современникам учёный с мировым именем профессор Н.М. Кислов. О профессоре В.Я. Булыгине в довольно подробной Пензенской энциклопедии написано всего шесть предложений текста. Эти люди оставили такой след в науке, что забывать их нельзя.

Кислов Никанор Матвеевич
(27.07.1859 – 14.10.1928) ученый-оптик, специалист по астрономо-геодезическим инструментам, метеоролог. Родился в с.

Дертево Пензенского уезда Пензенской губернии. В 1920-е гг. при заполнении анкет о социальном происхождении писал, что он сын крепостного крестьянина. В 1871 г. Н.М. Кислов окончил сельскую школу, в 1875 г. – трёхклассное уездное училище. Его мечтой было высшее образование, но в Пензе не было светских высших учебных заведений, не было и денег на учебу и проживание в другом городе. Поэтому Н.М. Кислов два года проучился в Пензенском землемерном училище, осуществляя постоянную подготовку к вступительным экзаменам в институт. Вступительные экзамены в Московский межевой институт он сдал блестяще. Был зачислен казеннокоштным студентом. В 1881 г. его мечта осуществилась. В дипломе об окончании Московского межевого института значилось: «межевой инженер». Так как Н.М. Кислов значился среди выпускников «первым по успехам», его направили на работу в Межевую канцелярию. Был командирован в Московский университет, где до 1884 г. в лаборатории А.Г. Столетова изучал математику и физику. Любовь к точным наукам свела его с такими блестящими учёными, как Гольдгаммер и Станкевич. Оба активно занимались ещё геодезией, астрономией и метеорологией, что повлияло на научную судьбу Н.М. Кислова.

Сначала он преподавал математику и физику в частных учебных заведениях. В 1886 г. принят на работу в Межевой институт. От классного воспитателя дошёл в 1904 г. до старшего преподавателя. Преподавал математику, математическую географию, читал лекции по метеорологии и земному магнетизму, вёл практические занятия и принимал экзамены по дифференциальному, интегральному и вариационному исчислению. Женился. Жена – Мария Валерьевна (урожденная Петрова). В семье воспитывалось пятеро сыновей и дочь. Жил в квартире в здании Межевого института. Нужны были средства. С 1898 до 1913 г. дополнительно

работал преподавателем и помощником инспектора в Московском инженерном училище.

В 1891 г. работал в Главной физической лаборатории. С 1902 г. читал теорию оптических инструментов в применении к геодезии и практической астрономии. Пришла европейская известность. В 1902 г. на основе лекций по теории оптических инструментов было издано учебное пособие, а в 1915 г. вышла монография. С 1913 г. работал в Магнитной комиссии при Академии наук.

С января 1917 г. – ординарный профессор, а с октября 1918 г. избранный ректор Московского межевого института. В 1918–1919 гг. читал лекции по геодезии в Народном политехникуме. С 1920 до 1923 г. читал лекции по фотограмметрии, основал специализацию на кафедре – геодезическое инструментоведение. Состоял членом Инструментальной комиссии при Центральном землемерно-техническом отделе. Организовал Оптико-механический отдел при Высшем геодезическом управлении и с 1919 по 1921 г. заведовал им.

Являлся создателем школы русских геодезистов-инструментоведов. Внёс большой вклад в развитие геодезии как мировой науки. Создал первую в России кафедру теории оптических инструментов. Принимал непосредственное участие в производстве оптических частей геодезических инструментов на заводах точной механики. Создал методику такого производства.

Профессор Н.М. Кислов считается основателем прикладной оптики как направления в науке.

Булыгин Владимир Яковлевич (1789 – 4.07.1838) ученый-географ, статистик. Родился в Пензе. Происходил из бедной дворянской семьи. В 1807 г. окончил пензенскую гимназию. С 1807 по 1811 г. учился в Казанском университете. Разделения на факультеты в университете не было. В ходе обучения В.Я. Булыгин от-

давал предпочтение географии, истории и политической экономии. Знания показал блестящие и по ходатайству профессора-директора университета И.Ф. Яковкина (1764–1836) по окончании в 1811 г. курса получил степень магистра исторических наук и политической экономии. Был оставлен при университете на должности помощника инспектора студентов. Одновременно, с апреля 1813 г. являлся помощником редактора «Казанских известий», а с февраля 1816 по июнь 1819 г. цензором этого издания.

С июня 1817 г. состоял адъюнктом исторических наук и со следующего года стал читать курс русской географии. С 1819 по 1822 г. читал лекции по дипломатике и политической экономии на отделении нравственно-политических наук. В мае 1822 г. утвержден экстраординарным профессором Императорского Казанского университета. С августа 1823 г. – ординарный профессор, с 1824 по 1825 г. декан отделения нравственно-политических наук. Один год (1827 – 1828) находился в должности декана словесного отделения. В 1824 г. назначен цензором цензурного комитета при Казанском университете. Пользовался расположением попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого (1778–1844), который ставил деятельность В.Я. Булыгина в пример другим педагогическим и административным работникам университета. Известность получили его работы: «Главные происшествия в истории мореплавания» (1817); «Исторические воспоминания на пути из Казани в Симбирск» (1834); «Исторические воспоминания по пути из Симбирска в Саратов» (1836); «О северо-восточных руссах» (1856) и др.

К сожалению, болезнь и ранняя смерть не позволили В.Я. Булыгину довести до конца начатые им многочисленные работы. Настоящая популярность его в России и в Европе как ученого-географа и историка пришла уже после его кончины.

**ТАЙНЫ,
НАХОДКИ,
ОТКРЫТИЯ**

Д.Ю. Мурашов

ДНЕВНИК НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАЛАЧОВА

В 1910–1911 гг. саратовский нотариус Григорий Григорьевич Дыбов, член Саратовской ученой архивной комиссии, перевез архив Н.В. Калачова из его имения в д. Волхонщина (тогда она входила в Саратовскую губернию) в Саратов, где он находится и сейчас – в Государственном архиве Саратовской области. Следует заметить, что архив знаменитого историка изучен слабо. Одним из таких малоизученных документов является хранящийся в архиве юношеский дневник Калачова, а точнее фрагмент дневника (28 июля – 12 августа 1835 г.). Возможно, этот фрагмент – всего лишь часть дневника Калачова, который он вёл в то время, но, возможно, – просто летние записи, которые шестнадцатилетний Николай делал для самого себя, находясь на каникулах в родном доме (в 1833–1836 гг. Калачов учился в Московском дворянском институте)⁴.

В записи от 28 июля 1835 г. Николай подробно рассказывает об одном из престольных праздников прихода. «Ах, как весело провел я нынешний день, – пишет он. – У нас сегодня приходской праздник. Смоленская. Встав рано поутру и одевшись, я поехал с двумя сестрами, братом и гувернанткой их в церковь, которая от нас в трёх верстах. Все поселяне были так веселы, так нарядны. Все кланялись нам ласково и в церкви встретил нас священник с словами: «Сегодня наш праздник, поблагодарите Бога и Пречистую Деву за их любовь к нам и за благодеяниями, ко-

торыми они непрестанно осыпают нас». И тотчас началось водосвятие (*молебен с освящением воды – Д.М.*). Дьячок и пономарь составляли хор, к ним присоединилось и несколько крестьян-певчих. Пенье, разумеется, незавидное. По окончании литургии и молебна отправились мы домой»⁵.

Указание на престольный праздник Смоленской иконы Божией Матери позволяет уточнить место рождения Калачова. Он родился в селе Алексино Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии⁶. По мнению владимирцев, сегодня это село Алексино Кольчугинского района Владимирской области⁷. Но в этом селе не было храма, где праздник Смоленской иконы Божией Матери отмечался бы как престольный. Такой храм находился в другом селе Алексино, в царское время Юрьев-Польского уезда, ныне Юрьев-Польского района Владимирской области. «В 1810 г. усердием помещика Калачова и прихожан вместо деревянной церкви была построена каменная церковь – сказано в описании церквей и приходов Владимирской епархии 1896 г., – эта церковь существует и в настоящее время. Престолов в церкви три: в холодной – в честь Смоленской иконы Божией Матери и в теплом пределе: во имя св. Дмитрия Солунского и во имя священномученика Харлампия»⁸. К приходу Алексина принадлежала и деревня Вески, находившаяся в трёх верстах от него (*ныне деревня Веска Юрьев-Польского района – Д.М.*)⁹.

Пирятинское краеведение №1-2 (57-58) 2021

В Весах Николай Васильевич Калачов провел детские годы. По словам владимирского краеведа начала XX в. А.В. Смирнова, большое влияние на формирование интереса Калачова к истории и занятиям ею оказал его немецкий наставник Гегерман, «который заставлял 12-летнего Калачова читать Тита Ливия то на латинском, то на немецком языке»¹⁰. Текст дневника позволяет усомниться в этом. Он называет другой источник вдохновения – сочинения Николая Михайловича Карамзина. По возвращении из Юрьева 29 июля вечером, съев «творог с сливками» и «сливки с малиной», Николай Васильевич записывает: «Теперь займусь я чтением писем Карамзина, моего любезного, неocenённого Карамзина»¹¹. На другой день: «Скоро пойду читать Карамзина»¹². Письма Карамзина – это «Письма русского путешественника», но нет сомнений, что Калачов знал и остальные сочинения писателя, включая «Историю государства Российского». Впрочем, складывается впечатление, что юного Калачова больше влечет литература, чем история. В дневнике он подражает Карамзину, описывает быт местных крестьян по-карамзински сентиментально: «Ах, как я люблю эти сельские праздники! Мне кажется, что богачи, веселящиеся на пирах своих, сто раз несчастней торжествующих поселян; кажется, что кавалеры, кружащиеся с дамой своей в шумном вальсе не чувствуют того блаженства, которое ощущают земледельцы в хороводе, держа за руку девушку, может быть его любимую! Шедши в деревню, встретили мы наших дворовых, которые возвращались домой. И старики радуются своему празднику и ничто в человеке не может переменить этой любви к деревне, лишь только он полюбил ее. Так веселятся добрые поселяне! Забавляйтесь от трудов своих; трудов, которые делают вас столь полезными вашим прочим братьям. Шумно раздавались песни поселян. Они несли какую-то веселую, народную радость. Но вот

Н. В. Калачовъ. † 25-го окт. По фот. грав. Ю. Барановскій.

Николай Васильевич Калачов.

этот радостный крик умолк и заунывная (родная) песня потрясла все мои нервы. Признаюсь, я бывал в концертах, слышал иных певиц, но такой радости не ощущал я никогда»¹³.

Из дневника виден интерес Николая Калачова к фольклору: 4 августа он записывает рассказ няньки своего брата о лешем, который губит крестьян в лесу. Для Николая рассказ старушки – это всего лишь игра воображения, он знает, что «низшие сословия все уверены в существовании леших»¹⁴. Пытается Калачов описать и окрестности родных ему Весок: «Возле села имелись группы лесов, несколько сел и деревень ограждали нашу маленькую область; речка, извивалась у ног наших и два пруда были неподвижны; зефиры не возмущали их зеркальной поверхности. На двух островах цвели цветы и росли небольшие деревья. К западу виднелся дом наш и сад; далее пересекали местность веселья разные дороги, ведущие в Юрьев, Алексино и другие дороги, где видны были поля, покрытые златом, которое трудолюбивый поселянин извлекает из земли, где ячмень серебрился и красовался в непрестанных (правда тихих) приливах и отливах»¹⁵.

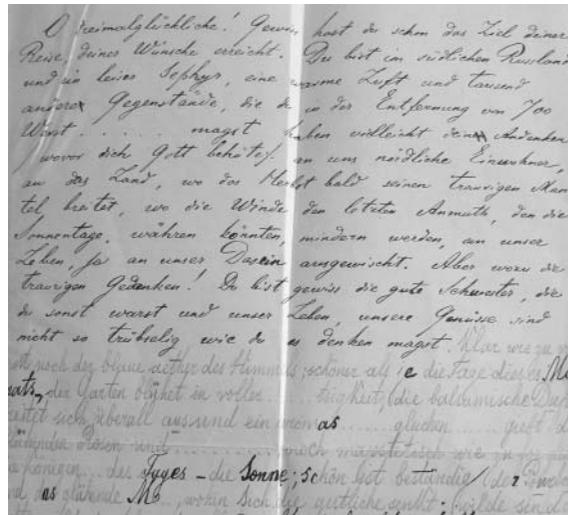
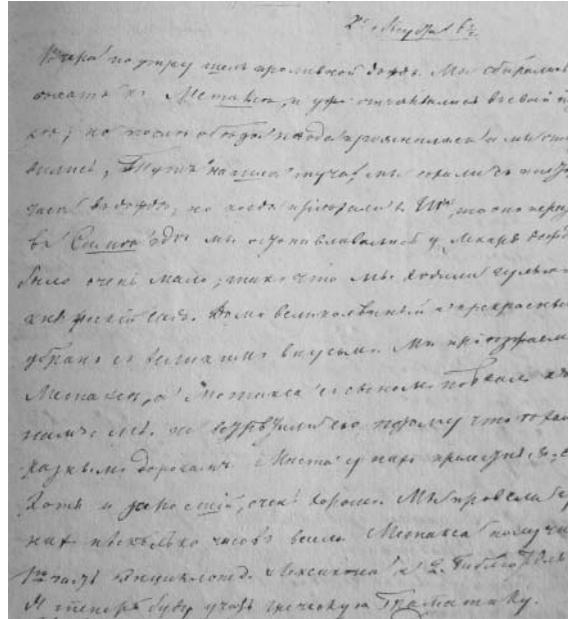

Любовь к литературе и слову определили желание Николая Васильевича поступать на словесный факультет Московского университета, но воля отца была иной – юридический факультет, и Калачов подчинился¹⁶.

Судя по дневнику, летом 1835 г. Василий Андреевич и Варвара Петровна Калачовы, родители Николая, вместе с дочерью Лизой отправились на юг. Николай Васильевич переписывает в дневник письмо сестре (по-немецки) и два фрагмента писем от родителей, среди которых есть и описание Пензы.

Письмо Лизе, отправленное 30 июля 1835 года: «О трижды счастливая! Ты исполнила свое желание и достигла цели своей поездки. Ты теперь на юге России и наслаждаешься тихим зефиром, теплым воздухом и тысячей других вещей, которые так далеко от нас. Нам, жителям северной земли, которую осень скоро накроет своим печальным покрывалом, где часто дуют ветра, это недоступно. Ах, если бы у нас было побольше солнечных деньков! Но к чему эти грустные мысли?! Ты хорошая сестра и всегда ей была, и я рад за тебя. Представляю, как там хорошо: ясное голубое небо, цветут цветы, аромат которых распространяется повсюду, ночью луна сияет своим серебряным светом, а утро там приятное и тёплое. Южная природа славится своими яркими красками. Но, возможно, мы обращаем на это внимание больше, чем жители юга. Как говорится, хорошо там, где нас нет. У нас тоже неплохо, но, если бы ты была с нами, наша жизнь была бы гораздо счастливее. Позавчера мы праздновали день Смоленской иконы Божией Матери. Мы ходили в церковь и слушали песнопения. Служба представляла собой красивое зрелище. Мы были там до захода солнца»¹⁷.

Письмо от родителей (вписано в дневник 29 июля): «Мы видели Муром, проезжали прежде страшные, но теперь безопасные муромские леса. Они прости-

Страницы из дневника Н.В. Калачова.

рались на пути нашем около 100 верст и более. Деревни и сёла вообще хороши, иные на две версты и более. Прощайте, друзья наши, живите счастливо и не забывайте своих, которые непрестанно о вас вспоминают»¹⁸.

Письмо от родителей (вписано в дневник 6 августа): «Мы благополучно приехали в Пензу. Завтра чём свет отправимся в нашу деревню, до которой остается 90 верст (речь идет о Волхоничине – Д.М.). Мы были в загородном саду, отстоящем от города пять верст. Стоит того, чтобы его видеть. Казна употребляет на него каждый год 30000 рублей. Пенза лучше Владимира, есть модные лавки и

Пензенское краеведение №1-2 (57-58) 2021

проч., лютеранская церковь и татарская дорога вообще приятна»¹⁹.

Конец сохранившихся записей Калачова философичен. Ожидая осень, Николай Васильевич размышляет о смысле жизни: «...скоро, скоро настанет осень. Необъяснимое чувство горести овладевает душою нашей, и мы говорим: давно ль была весна! Давно ль было красное лето. Так и мы все более и более стремимся к закату дней наших и не успеем оглянуться в здешнем существовании, уже смерть предстаёт перед нами, повелевает нам отдать природе нужный долг. Счастлив же человек, если он с весельем может вспомнить о весне и лете дней своих и сказать, что я недаром жил на земле».

...Николай Васильевич Калачов прожил жизнь недаром. Юношеские устремления его превратились в жизненные цели большого учёного, который оставил яркий след в науке. Неслучайно историк Дмитрий Багaley назвал Калачова богатырем умственного труда и остановился в благоговении перед всеми работами владимирского юноши, ставшим корифеем научной мысли.

Примечания

1. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи. М., 2017. Т. II. С. 44.

2. Багaley Д.И. Памяти Н.В. Калачова. Харьков, 1885. С. 17–18.

3. Там же. С. 18.

4. Смирнов А.В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии. Владимир, 1896. Вып.1. С. 59.

5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 408. Оп. 2. Д. 483. Л. 1. Текст дневника приводится в современной орфографии и пунктуации.

6. Смирнов А.В. Указ. соч. С. 58.

7. См. сайт Кольчугинской межпоселенческой центральной библиотеки, раздел «Знаменитые земляки: виртуальная энциклопедия» (дата обращения 01.10.2020).

8. Добронравов В.Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1896. Вып.3. С. 472.

9. Там же. С. 473.

10. Смирнов А.В. Указ. соч. С. 58.

11. ГАСО. Ф.408. Оп.2. Д. 483. Л. 3об.

12. Там же. Л. 5об.

13. Там же. Л. 3об.

14. Там же. Л. 7.

15. Там же. Л.2.

16. Смирнов А.В. Указ. соч. С. 59.

17. ГАСО. Ф.408. Оп.2.Д. 483. Л. 4об-5об, 9. Автор выражает благодарность сотруднику Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова Юлии Эдуардовне Пономаревой за перевод текста с немецкого языка.

18. Там же. Л. 3об.

19. Там же. Л. 7об.

В.Ю. Кладов

ПЕНЗЕНСКИЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Накануне Великой Отечественной войны в структуре органов внутренних дел прошли изменения. 3 февраля 1941 г. из Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) был выделен Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). Однако уже в июле 1941 г. НКГБ

СССР и НКВД СССР вновь были слиты в единый наркомат – НКВД СССР. В составе НКВД СССР находилась Рабоче-крестьянская милиция (РКМ). Её главным органом управления являлось Главное управление милиции, которому подчинялись управления милиции республик, краев и областей.

В структуре Пензенского управления РКМ находился и отдел уголовного розыска. В его составе были образованы: отдел по борьбе с бандитизмом, грабежами; следственная группа; группа оперативного розыска; группа по борьбе с детской преступностью¹.

В военные годы произошла серьезная перестройка в работе пензенского уголовного розыска. Она была в значительной мере откорректирована с учётом требований военного времени, в контексте перехода народного хозяйства на военные рельсы.

24 июня 1941 г. на закрытом партсобрании Пензенского управления милиции НКВД прозвучали следующие слова: «На органы милиции возложена задача обеспечить спокойную, бесперебойную работу тыла... Перед [нами] стоит задача обеспечения нормальной торговли, общественного порядка в городе, борьбы со спекуляцией. Мы должны приложить все усилия, не щадя себя с таким расчетом, чтобы возложенные [на нас] функции были выполнены безукоризненно, а для этого необходима исключительная сплоченность в наших рядах и четкая воинская дисциплина»².

В годы Великой Отечественной войны пензенский уголовный розыск работал на износ. К традиционным служебным задачам добавились новые – военно-мобилизационного и оборонного характера: контроль за светомаскировкой, борьба с бандами дезертиров, выявление шпионов, пресечение ложных и паникерских слухов и т.д. Поменялась и структура преступности: доступность огнестрельного оружия провоцировала распространение бандитизма, а близость к значительным материальным ресурсам, предназначенным для фронта, стимулировала рост хищений и спекуляций.

Так, в марте 1942 г. милиционерами была раскрыта преступная группа сотрудников пензенского треста «Росглавхлеб». По уголовному делу проходили шесть человек.

Преступников погубили чрезмерные жадность и самоуверенность. Агенты общались, что управляющий трестом Н.: «Ежедневно приносит домой свертки с мясом, маслом, сахаром, изюмом, какао и т.д., а также в большом количестве – спирт и водку». В его квартире собирались люди из разных организаций, пьянствовали и заключали разного рода сомнительные сделки, после чего снабжались Н. увесистыми свертками с продуктами. Любопытен состав постоянных гостей «нехорошей» квартиры: управляющий Заготзерном, работник треста столовых, корреспондент газеты «Правда», работник облпрокуратуры, а также «неустановленные представители военных лагерей Селикса».

В ходе недолгого расследования выяснилось, что под видом мучных отходов со складов Росглавхлеба списывалась мука, которая впоследствии обменивалась на иные товары. Выручка от их реализации шла в карман подельникам. Часть доходов шла на подкуп «нужных людей», которые и собирались в квартире Н.

Только в октябре 1941 – январе 1942 гг. сообщниками было разбазарено почти 70 тонн печёного хлеба. Свалившееся с неба богатство ослепляло: Н. практически перестал появляться на работе, уверяя собеседников в том, что «за хлеб он может сделать всё, что захочет». С этим не согласились пензенские милиционеры, а впоследствии – и судьи, заставившие преступников не раз пожалеть о содеянном³.

Селиксенские учебные лагеря не в первый раз попадали в поле зрения уголовного розыска. Ещё в октябре 1941 г. было вскрыто массовое хищение продовольствия, которое предназначалось новобранцам.

Из докладной записки:

«Т. находится в РККА при станции Селиксы в должности начальника по снабжению 1-й из воинских частей и, пользуясь доверием в работе с заготовкой продуктов, систематически приезжает

на грузовой машине в г. Пензу к Л-вой и Е-вой и каждый раз привозит им продуктов, дров и др. Как факт: произведённым обыском в квартире Л-вой обнаружено: 2 кадушки огурцов, 5 куб. метров дров, 10 листов белого кровельного железа, 180 ученических тетрадей и других предметов и продуктов»⁴.

К другим видам преступности, характерным для Пензенской области, можно отнести следующие.

Во-первых, усиление внутренней миграции, а также режим затемнения, действовавший на случай вражеских налётов, объективно способствовали совершению опасных преступлений (убийств, грабежей, разбоев и т.д.), которые принимали самые дерзкие формы.

Во-вторых, в составе преступников возникли новые группы: прежде всего, военные и промышленные дезертиры, а также лица, освободившиеся из мест лишения свободы.

В-третьих, преступники теперь были хорошо вооружены. У них обнаруживались не только ножи и пистолеты, но и автоматы, пулеметы и гранаты.

В-четвертых, с ужесточением паспортной системы изменилась тактика преступников-гастролеров, которые теперь не передвигались по стране, а оседали в городах и формировали новые преступные сообщества.

Распространялась этническая преступность. Так, в справке начальника пензенского угрозыска Симоненко содержится информация о том, что «24 августа 1944 г. при задержании группы цыган у них было изъято «рейсовых карточек» (выдававшихся командированным гражданам для получения продуктов в пути следования) 10600 комплектов. В выражении на вес продуктов это:

- хлеб – 170850 кг,
- крупа – 10472 кг,
- мясо – 16235 кг,
- жиры – 4600 кг,
- сахар – 4600 кг»⁵.

В октябре 1941 г. на имя секретаря обкома ВКП(б) была составлена докладная записка, в которой к основным недочетам следственной работы НКВД была отнесена слабая борьба с преступлениями, предусмотренными Указом Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «О распространении в военное время ложных слухов». Отмечалось, что в целом ряде пензенских районов «ведется контрреволюционная агитация, проявляется саботаж и проч.», а количество привлеченных к ответственности лиц исчисляется единицами. Так, к ноябрю 1941 г. были привлечены лишь 14 чел., причем следственных дел было закончено только 3⁶. Критиковали милицию и за затягивание сроков расследования: в 3-м квартале из 142 дел, переданных в суд, 73 дела находились в стадии расследования более двух месяцев. В условиях военных действий подобная волокита признавалась абсолютно недопустимой.

Всего за период с 1 января по 1 ноября 1941 г. за «контрреволюционные преступления» в Пензенской области были привлечены к ответственности 416 чел.

Из них с 22 июня 1941 г. – 278 чел.:

- по ст. 58-6 («Шпионаж») – 1 чел.;
- по ст. 58-8 («Теракты против представителей власти») – 9 чел.;
- по ст. 58-10 («Призыв к свержению власти») – 159 чел.;
- по ст. 58-10-11 – 7 чел.;
- ст. 193 («Военные преступления») – 8 чел.;
- указ от 6 июля 1941 г. – 14 чел.
- прочие – 4 чел.

Интересен и социальный состав граждан, привлеченных по обвинениям в контрреволюционной деятельности: рабочие – 37 чел., служащие – 45 чел., колхозники – 47 чел., единоличники – 20 чел., «кустари» – 4 чел., учащиеся – 2 чел., «лица без определенных занятий» – 31 чел., бывшие кулаки и торговцы – 5 чел., военнослужащие – 6 чел.

Из общего числа арестованных на 1 ноября были закончены следственные

Константин Игнатьевич Злобин (1910-1943), начальник 2-го отделения отдела уголовного розыска Управления милиции Пензенской области. Погиб при попытке задержать вооружённых преступников в Пензе 19 мая 1943 г.

действия в отношении 202 чел., судебными органами были осуждены 103 чел. Из них приговорены к высшей мере наказания – 14 чел., к 10 годам л/с – 52 чел., на сроки до 10 лет л/с – 30 чел., к принудительному лечению – 5 чел, прекращены дела – на 2 чел. На доследование были возвращены 10 дел (4,9%)⁷.

Новым явлением, обозначившимся в январе 1942 г., стала агитация к уклонению граждан от воинской повинности (ст. 59-6 УК РСФСР). За первый же месяц по данной статье были осуждены 25 чел. Ещё один новый вид преступлений, зафиксированный в начале 1942 г. – «использование религиозных предрассудков масс с целью свержения власти или для возбуждения к сопротивлению её законам и постановлениям». В 10 раз выросло количество военнотрудовых, осужденных за «отчуждение (промотание) выданных

для пользования предметов казённого обмундирования и амуниции» – с 9 случаев, зафиксированных в декабре 1941 г., до 102 случаев – в январе 1942 г.⁸.

Из докладной записки:

«Получены данные о том, что по селам Тамалинского района ходит мужчина по имени «Степа», который среди колхозников проводит антисоветскую агитацию, предсказывая неизбежность поражения СССР в войне, о разделе территории СССР между Германией и Америкой, призывает колхозников не работать в колхозе, называет колхозы каторгой. Пропагандирует религию, считая себя святым, а колхозников грешными за то, что они работают в колхозе, и предсказывая им гибель.

Установлено, что «Степа» является А., 1911 г.р., уроженец села Дуровка Тамалинского района, малограмотный, русский, военнообязанный, на военном учете не состоит – скрывается, документов никаких не имеет. В 1940 г. судим за убийство своей жены. А. нами арестован и заключен под стражу. Предъявляем обвинение по ст. 58-10 ч. 2 и 193 - п. 10 УК РСФСР»⁹.

Ещё одним явлением, распространенным в годы войны, являлось бегство рабочих с военных заводов. Только за декабрь 1942 г. военным трибуналом Пензенской области было рассмотрено 142 подобных дела (осталось нерассмотренных ещё 498 дел), в основном на молодых людей в возрасте 16-17 лет, которые находясь на производстве после окончания школы трудовых резервов, самовольно уходили с предприятий. Указанные дела поступили со следующих пензенских предприятий:

- завод имени Фрунзе – 112 дел;
- арматурный завод – 8 дел;
- завод №1 им. Сталина – 7 дел;
- завод №740 – 9 дел;
- завод №114 – 4 дела;
- завод дезоборудования – 1 дело;
- завод №24 – 1 дело.

По состоянию на 1 января 1943 г. на заводе №50 им. М.В. Фрунзе работало более 90000 человек. При этом за 1942 г. с предприятия убежали 2324 человека¹⁰.

На основании Указа Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. граждане, самовольно ушедшие с предприятий военной промышленности, рассматривались как дезертиры и подвергались уголовному преследованию. Из 142 осужденных в декабре 1942 г. 46 чел. были приговорены к лишению свободы на срок от 7 до 8 лет, 96 чел. – от 5 до 6 лет¹¹. Довольно типичным явлением было расхищение колхозного урожая. Вот типичные выдержки из оперсводок за 1943 г.: «В колхозе им. Ворошилова группа воров в количестве 4 человек похитили с колхозного тока хлеб. При обыске обнаружено и возвращено колхозу 121 кг... В колхозе им. Кирова гражданка А. систематически занималась хищением хлеба. У неё обнаружено и изъято 2 центнера хлеба разных культур... У руководителей колхоза «Завет Ильича» обнаружено и изъято 16,89 центнера хлеба... [У завхоза] обнаружено: овса, зарытого в земле в ящике – 150 кг, пшеницы в амбаре в кадучке – 70 кг, чечевицы в огороде в кошелке, заложенной сверху картофелем – 20 кг, гороху в огороде в трех ведрах – 30 кг...»¹².

Расхитители хлеба несли заслуженное наказание.

Из донесения в Пензенский обком ВКП(б):

«За хищение 945 кг зерна в колхозе «Буденного» Бессоновского района осуждены: начальник охраны Ж. к расстрелу, кладовщик К. к 10 годам лишения свободы...»

За хищение 570 кг зерна в колхозе «Молотова» Мокшанского района осуждено 6 человек к 10 годам лишения свободы каждый»¹³.

Иногда в руки представителей закона «попадались» и сельские жители, не имевшие отношения к спекуляции и совершавшие кражи сугубо в личных це-

лях. 31 августа 1943 г. в колхозе «1 мая» Тамалинского района была задержана гражданка Б., которая везла домой накошенное на колхозном поле сено. Попытавшемуся остановить её бригадирю она нанесла удар граблями по лицу. В этом же колхозе была задержана гражданка М., у которой были обнаружены набранные с колхозных полей колосья. В донесении отмечается, что «М. при задержании оказала сопротивление, порвала платок на бригадире и вырвала часть волос». Общим гражданам было предъявлено обвинение по ст. 73. ч. 1 п. 2 УК РСФСР («Сопротивление представителям власти при исполнении ими возложенных на них законом обязанностей, сопряженное с насилием над личностью»). Следует отметить, что Тамалинским РО НКВД за период летней уборочной кампании 1943 г. было выявлено 14 случаев хищения колхозного зерна. Размеры похищенного составляли от 10 до 50 кг¹⁴.

Следует отметить, что в условиях войны сельскому хозяйству отводилась стратегическая роль – по снабжению действующей армии продовольствием. Срыв поставок трактовался как саботаж и умышленное вредительство. Любые ЧП на сельском производстве рассматривались с позиций злого умысла. Поэтому зачастую собранных доказательств не хватало, и суд выносил оправдательные приговоры.

7 сентября 1942 г. Бековским РО НКВД были арестованы заместитель главного агронома Бековского сахарокомбината В. и комбайнер А. Они обвинялись в умышленном провоцировании пожара, в ходе которого было уничтожено имущество в виде: крытого тока, грузовой автомашины, 1,5 тонн хлеба, 130 центнеров пшеницы, 450 новых мешков, 2 сортировки, 2 пожарные машины и т.д. Было возбуждено уголовное дело, в ходе которого виновность подозреваемых была установлена. Приговором Бековского суда оба были осуждены на 8 лет, однако в дальнейшем

Пензенский облсуд отменил данный приговор, и дело было прекращено¹⁵.

Стремясь любой ценой выполнить установленные государством нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, руководители некоторых колхозов не гнушались нарушать закон. В частности, широко практиковались разного рода приписки в отчетности.

Из докладной записки в Обком ВКП(б):

«Проверкой в Тамалинском районе установлено, что в ряде колхозов имело место как включение в государственную отчетность непосеянных площадей проса, так и разбазаривание семян проса, оставшихся после весеннего сева. Из 40 колхозов района 14 колхозов включили в заключительную отчетность по весеннему севу 1943 года 535 га непосеянного проса... В документах указанных колхозов сделаны исправления ранее записанных посевных площадей на новые, без всяких оговорок. Отчетные документы, как правило, подписаны одними лишь счетоводами, подписи председателей колхозов отсутствуют. Опрошенными счетоводами на поставленный им вопрос – при каких обстоятельствах и по чьему предложению они внесли изменения в государственную отчетность – заявили следующее: «В период с 21 по 24 июня 1943 г. они были вызваны в райво для сдачи заключительных отчетов по весеннему севу 1943 года и, прежде чем сдать его статистику, они приглашались поодиночке в кабинет к зав. районо К., который предлагал им внести изменения по посеву проса, путем приписки не посеянной по плану площади, заявляя при этом, что этот вопрос ими согласован с председателями колхозов».

По данным материалам было возбуждено уголовное дело.

Не гнушались председатели колхозов и более жесткими мерами. Оправдывая свою деятельность чрезвычайными условиями, от угроз они переходили к побоям.

Из переписки с Обкомом ВКП(б) за 1944 г.:

«Поступили жалобы от колхозников и семей военнослужащих о незаконном отборе телят с применением грубых физических насилий со стороны председателя поселкового совета Ю. и председателя колхоза Г. Было установлено, что Ю. и Г. организовали бригаду из 5 человек и пошли контрабандировать телят в пос. Графинино Земетченского сельсовета. Телят у колхозников отбирали насильственно, используя топор для сбивания замков с помещений, где телята были заперты. К непокорным колхозницам применяли физические меры (толчки, насильственно вырывали телят из рук и др.). Возбуждено дело по ст. 109-й УК РСФСР («злоупотребление служебным положением»)...

Председатель колхоза им. Фрунзе К. во время обмолота хлеба избил колхозницу Б., 53 лет (муж и сын на фронте) за то, что она мало подносила снопов к молотилке... Нанес 3 удара метлой по лицу, потом схватил за волосы и притащил к телеге, где нанес удар кулаком по лицу, отчего пошла кровь...»¹⁶.

Безусловно, подобные вещи считались абсолютно недопустимыми. За применение насилия к гражданским лицам в милиции не щадили даже собственных сотрудников.

Из справки в Обком ВКП(б):

«Участковым уполномоченным НКВД Д. вечером 3 февраля 1943 г. были задержаны в с. Кикино два дезертира, сбежавшие из рядов Красной Армии и доставлены в сельсовет. Для охраны были выделены колхозники В. и Б. Ночью один из дезертиров сбежал. Д. стал издеваться над колхозниками, сначала нанёс побои В. прикладом винтовки, а потом подверг его недопустимым пыткам, надев на шею веревку и начал душить, и когда В. потерял сознание, Д. прекратил издевательства... Утром 4 февраля сбежавший дезертир явился в сельсовет. Начальни-

ку РОМ НКВД предложено немедленно снять с работы Д., арестовать его и предать суду»¹⁷.

Примечания

1. Сучилкин А.В. Пензенская милиция в годы Великой Отечественной войны. Дисс...канд. ист. наук. Пенза, 2006. С. 32.
2. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 1152. Оп. 1. Д. 20. Л. 97–97 об.
3. Там же. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 603. Л. 36–41.
4. Там же. Д. 430. Л. 64.

5. Там же. Д. 1124. Л. 80.
6. Там же. Д. 424. Л. 154.
7. Там же. Л. 164–165.
8. Там же. Д. 885. Л. 21.
9. Там же. Д. 1105. Л. 60.
10. Там же. Д. 424. Л. 3–7.
11. Там же. Л. 3.
12. Там же. Д. 424. Л. 64.
13. Там же. Д. 1105. Л. 47.
14. Там же. Д. 424. Л. 60.
15. Там же. Л. 64.
16. Там же. Д. 1124. Л. 68.
17. Там же. Д. 430. Л. 54.

Продолжение следует

В.Ю. Самсонов

ПЕНЗЕНСКИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

*(Продолжение.
Начало в № 1 2014 г. и № 3 2016 г.)*

УБЕЖИЩА ОТ БУНТАРЕЙ

Барские усадьбы – неотъемлемая и очень интересная часть истории нашей сурской земли. Многие усадебные строения можно считать архитектурными шедеврами – их грациозная красота и неповторимость изумляют. Жаль, что большинство этих зданий осталось только на старых фото, рисунках, картинах и литографиях. Сейчас трудно даже представить, что в начале XX в. на территории Пензенской губернии насчитывалось 1125 (!) частных имений. Многие из них погибли в вихре революции и последующие долгие годы забвенья, но осталась великая тайна – усадебные подземные ходы.

У хозяев усадеб в крови жила память о жестоких бунтовщиках Степане Разине и Емельяне Пугачеве, которые вешали дворян на воротах захваченных поселений. Именно так трагически закончилась жизнь первого пензенского воеводы Лачинова. Чтобы обезопасить себя и свои семьи от бунтующих масс в будущем, хозяева усадеб

тайком возводили подземные тоннели, по которым можно было незаметно покинуть родовые имения. По вполне понятным причинам сведения об этих сооружениях были глубоко засекречены и о них мало кто знал. И лишь спустя годы, после обрушений обветшавших сводов, либо при случайном их повреждении строительной техникой, люди увидели эти потаённые ходы.

В №3 2016 г. читатели познакомились с описанием увлекательного путешествия пензенца Вячеслава Соколова с приятелями по подземному ходу лесопромышленника Тюрина, чья усадьба располагалась в доме, где теперь находится Музей народного творчества. Теперь предлагаем «отправиться» вместе с автором в имение славной династии Иконниковых-Галицких – в село Теряевка Неверкинского района. Совместная экспедиция клуба «Лабиринт» и Русского географического общества состоялась летом 2019 г.

НЕОЖИДАННЫЙ ПРОВАЛ

Когда-то здесь бурлила жизнь – село насчитывало около двух тысяч дворов. Сейчас вокруг «тишь да гладь, да Божья благодать»

Пиринское кракварни №1-2 (57-58) 2021

– осталось только три дома, а ещё – развалины барского дома и деревянной церкви, построенной в далеком 1753 г.

Хозяин теряевского поместья, гласный земского собрания Кузнецкого уезда, депутат IV Государственной думы Петр Сергеевич Иконников-Галицкий был личностью незаурядной и известной далеко за пределами Пензенской губернии. Его признавали одним из лучших управляющих в России. Удивительный факт – при его участии в селе построен деревянный водопровод, действующий и по сей день! Уникальна и аллея сосен Веймутова, завезенных около 200 лет назад из Северной Америки и посаженных Петром Сергеевичем в окрестностях Теряевки. Две могучие сосны, высота которых может достигать 70 метров, до сих пор поражают своей величественной красотой. Когда-то их было больше. В России эти сосны внесены в реестр редких.

По инициативе славной династии Иконниковых в селе возвели ещё в царские времена два железобетонных моста: через Сосновый овраг и речку Ерыклей. Ими теряевцы, как и водопроводом, пользуются до сих пор! Но нас, прежде всего, интересовали сооружения, которые Иконниковы «преподнесли» из глубины прошлого в качестве загадки – теряевские подземелья.

...Поводом для поездки в Теряевку стало известие, поступившее от её жителей: на небольшом холме в самом центре села неожиданный провал обнажил странное помещение без окон, без дверей. Группа исследователей из клуба «Лабиринт» и Русского географического общества в составе автора этих строк, Дениса Шакурова, Вячеслава Морозова и Дениса Воронина спустилась в подземелье и провела его обследование. Аркообразное, выложенное из красного кирпича, оно оказалось довольно просторным. В прорубленной в стене нише, скорее всего, находилась икона. Подобные ниши я видел в подземных монастырях. Вполне

вероятно, в подземном помещении была небольшая домашняя церковь барина – барский дом стоял, судя по рассказам местных жителей, именно здесь. Но для чего хозяева её скрыли? Где находился вход в неё?

Известно, что кроме барского дома в самом селе, был ещё один – к нему вела сосновая аллея. Он возвышался на холме, окруженный лесом. Эта летняя резиденция Иконниковых впечатляла своими размерами и насчитывала 100 комнат. В 1936 г. она сгорела.

60-летний житель близлежащего села Октябрьское Искандер рассказал нам о подземном ходе, по которому в детстве удалось пройти: «Начинался он на холме. Помню, спускались в глубокий колодец по металлическим скобам. Внизу оказался просторный тоннель, по нему легко проезжала лошадь. Мы, мальчишки, прошли по подземному ходу, пока не уперлись в земляной завал».

ТАЙНИК И ДВА ТОННЕЛЯ

Где точно находился таинственный колодец, Искандер показать не смог – слишком много лет утекло с той детской

поры. Но мы решили обследовать лесистый холм и место расположения второго барского дома. Для этого пришлось вброд форсировать мелководную, но довольно широкую реку Кададу. Полюбовались со снами-великанами, миновали заросшее озеро Юмарку. При Иконникове оно имело форму яйца и было незамерзающим. И

как-то незаметно очутились у подножия холма, восхождение по которому было нетрудным и недолгим. Остановиться решили у лесного тайника. К нему, по местному преданию, пролегал ход из ближайшего барского дома. Далее он тянулся до теряевской резиденции Иконниковых, «поднырнув» под Кададу. Когда-то лес-

Пирятинское краеведение №1-2 (57-58) 2021

ничие использовали тайник в качестве хранилища для овощей. В заброшенном подземном строении наши фонари высветили небольшое, выложенное кирпичом помещение, из которого идут две галереи. Левая – в сторону, где стоял барский дом на холме, правая – в сторону Теряевки.

Левый ход выложен бутовым камнем, половина правого хода из кирпича, а другая часть из бутового камня. Ходы довольно добротные, прочные, с забетонированным потолком. Хозяева могли ходить по ним с факелами в полный рост и чувствовали себя там вполне комфортно. И главное – в полной безопасности – засыпанное толстым слоем земли бетонное перекрытие надежно защищало от случайных и неслучайных проломов. А нам пришлось по левому ходу пробираться ползком из-за сильных завалов. Всего удалось обследо-

вать около семи метров. Зато по правому ходу прогулялись даже в полный рост, пока метров через пятнадцать не уперлись в искусственное нагромождение из битого кирпича и насыпанного грунта. Денис Воронин расчистил часть завала и смог пробраться дальше до замаячившего впереди просвета. А затем очутился в небольшой яме в нескольких метрах от лесного тайника. Здесь когда-то произошло обрушение подземного хода. Скорее всего, обрушили его специально. По утверждению сельчан-старожилов, в годы советской власти подземную галерею надежно замуровали. Но остается надежда, что в ходе последующих экспедиций удастся вскрыть основную часть теряевских подземелий. И тогда нас ждут новые открытия, проливающие свет на одну из самых таинственных загадок прошлого.

А.Н. Соболев

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕРКИ

Мы живём в эпоху, когда книжный антиквариат, дневники и рукописи покидают полки букинистических магазинов и перемещаются на просторы Интернета. Именно это произошло и с некоторыми документами из знаменитой коллекции Андрэ Савина – французского букиниста с русскими корнями.

Несколько десятков отсканированных страниц рукописного текста под заголовком «Т.М. Из воспоминаний русской революционерки. Париж. 1908 г.» сразу привлекли моё внимание. Оригинал рукописи находится в Университете Северной Каролины. Кто такая «Т.М.»? Неужели это пензенская революционерка Татьяна Метальникова, уехавшая из России и жившая в Париже в 1908 году? Воспоминания анонимны. В них почти нет имён, а названия населённых пунктов сокращены. Андрэ Савин в сопроводительном тексте отмечает, что девушка, скорее всего, из Екатери-

нослава. Этот вывод он делает на основе того, что «Т.М.» упоминает губернатора Екатеринославской губернии С.В. Александровского, занимавшего этот пост в описываемый период. Позже он возглавил Пензенскую губернию. Но фамилия губернатора встречается в тексте только один раз, и она перечёркнута автором.

Чтение воспоминаний недоучившейся гимназистки не оставляет равнодушным. В силу ряда драматических обстоятельств молодая девушка втягивается в революционную деятельность. Она переживает за мать, любит природу и жаждет знаний, при этом, довольно критически оценивает свой уровень: *«В моём рассказе вы едва ли сумеете найти какой-либо порядок в умственном моём развитии: его не было»*. Связав себя с революционным подпольем, она уже не видит для себя иного пути: *«Жизнь повседневная, мелочная и будничная меня не удовлетворяет, а другой - я не знаю»*.

К сожалению, здесь нет возможности предложить читателям полный текст воспоминаний. Электронную копию рукописных страниц можно найти на сайте Archive.org. Я же ограничусь лишь отдельными фрагментами рассказа революционерки (напечатаны курсивом) и своими комментариями, предоставляя читателям самим решать, насколько верно моё предположение, что таинственная «Т.М.» и Татьяна Метальникова – одно лицо.

«Я – в третьем классе... На Пасху я отправилась в город поздравить своих знакомых с праздником. Один молодой человек подошел ко мне и стал меня спрашивать, знаю ли я кого-нибудь из соседних сел.

– Конечно, – ответила я, – многих знаю. Но если кого и не знаю, так там легко разыскать кого угодно.

Тогда он попросил меня передать одному крестьянину небольшой сверток. Я взяла и сказала, что завтра передам...

Это было в конце апреля. Вдруг, в первых числах мая, на заре, пожаловали жандармы, окружили весь дом, обшарили все углы, перепугали бедную маму до смерти и уехали, ничего ей толком не сказав. На другой день пошла в гимназию, но меня уж на дороге предупредили, чтобы я скорей брала бумаги у начальницы и попросила отложить мне экзамены на август. Начальница выдала мне бумаги и тихонько сказала: «Вам так лучше будет; а то бы ведь все равно исключили...» Так было кончено моё учение в гимназии.

Татьяна Петровна Метальникова (урождённая Сторожева) родилась в 1887 г. Исключена из 3-го класса женской гимназии как неблагонадёжная¹.

Вдруг, в мае же сделали обыск в городе. Приехали в 8 часов утра, а к 10-ти пригласили меня в жандармское отделение. Пошла я, и назад уже не вернулась: меня повезли в тюрьму. Ничего у меня найдено не было; допрос был самый поверхностный. В этот раз меня стали обвинять в том, что я вместе с другими раз-

брасывала по городу прокламации. Но я на самом деле не знала даже, были ли они действительно разбросаны.

Из канцелярии меня повели в камеру. Ах, эта камера!.. Казалось бы, пора позабыть, то ли ещё было потом?? Но нет... Громадная камера. В ней помещают сорок, а иногда и больше женщин, а меня посадили одну... Грязь в камере была прямо невероятная... Чего я только не видела там? Клопы, блохи, тараканы, пауки и мокрицы, крысы и мыши, и множество каких-то ещё совершенно неведомых мне существ, оказались моими товарищами по заключению... Когда наставала тишина, то все мои товарищи выползали на свет и смело распоряжались камерой...

Я любила математику. Познакомили меня в это время со студентом X, который мне давал уроки, а впоследствии стал моим мужем. Замуж вышла я, таким образом, очень рано: 16 лет. Мама не хотела, чтобы я так рано выходила. Но я настояла, и она согласилась. Почему я так рано вышла замуж, я не знаю. От того ли, что душа моя болела, а мама не знала, как её залечить? Через год у меня родилась дочь.

Муж мой был славный, необыкновенно добрый человек и любил меня. Он был вполне уже убежденный человек, побывал в Сибири (в 1902 году многие студенты были туда высланы в административном порядке за студенческие волнения), успел вернуться обратно. Он не имел возможности учить меня, помочь мне продолжать мое образование, чего мне страшно хотелось и на что я надеялась. У него могло бы хватить времени помочь мне в выработке моих убеждений, что он и делал...

Татьяна вышла замуж за Николая Ивановича Метальникова в 1904 г., когда ей было неполных 17 лет. Её муж окончил пензенскую гимназию и поступил в Московский университет. В 1902 г. за участие в студенческих волнениях выслан в Сибирь². В 1903 г. приехал Пензу и познакомился там с будущей женой. Метальников

входил в Пензенский комитет партии социалистов-революционеров. Считается, что именно он сыграл решающую роль в становлении Татьяны как революционера.

Грянул пресловутый манифест 17-го октября [1905]. Муж мой возвращается домой, и что же?.. Ночью явились и к нам жандармы...

Отвечаю, что я не одета; на это мне заявляют, что если я не открою тотчас, то они выломают окно. Я открываю дверь. Меня в один миг окружают, и я – в кругу мужчин, в одной рубашке, и не смею уйти без разрешения.

Обыскали всю квартиру. Ничего не нашли; однако, мужу моему приказано было одеваться и следовать за ними.

Через месяц слышим, – всех арестованных высылают административным порядком в Сибирь... Но мне не говорят ничего определенного до последнего дня. Накануне мне удалось добиться указания, что их везут в Сибирь, в Тобольскую губернию, а куда именно, так и не сказали. В день отправки я пришла в тюрьму и «заарестовалась», т.е. выразила желание ехать добровольно с мужем в Сибирь... В дороге я схватила ангину и расхворалась. Подъезжая к Тобольску, я уже лежала... Месяца через два я поправилась. Мне написали, что мать моя сильно больна, а мужа должны были вот-вот выслать на север. Я решила ехать к матери...

Николай Метальников был арестован в 1905 г. и выслан в Тобольск. Татьяна уехала вместе с ним, но весной 1906 г. вернулась. Летом 1908 г. он бежал из ссылки в Пензу, а потом уехал в Париж. В 1911 г. жил в Перми и был завербован «охранкой»³. Впоследствии, находясь за границей, признался в этом товарищам по партии и предложил использовать себя для работы против жандармов. Среди революционеров не было единого мнения по этому поводу. Для защиты земляка пензенские революционеры отправили за границу своего верного товарища Леонтия Костина, но большинство выразило недоверие Метальникову. Узнав

о том, что её муж «провокаатор», Татьяна прекратила с ним всякие отношения. Но тогда, в 1906 г. она любила своего мужа и, вдохновлённая им, продолжала революционную работу.

Здесь начинается сплошной кошмар: ужасный, тяжёлый кошмар, длившийся три месяца до моего ареста и после – до настоящих дней... Мне как-то больно говорить о нём и не хотелось бы. Ну, да если уже начала...

Я – в квартире врача, в чудном сосновом бору. Недалеко старый монастырь... Я собралась уехать, и вдруг – весь дом окружен полицией. Входят несколько человек во главе с исправником. Я стою в зале. Не входя в неё, исправник, окружённый стаяей охраны, кричит мне:

– Если только будете стрелять, то знайте – от этого дома не останется камня на камне. Ваш браунинг!

Я жестом показала, где браунинг, а сама ушла в себя... Но я держусь крепко; ничего не говорю... Только признала своим браунинг, в котором не хватало одной пули. Эта недостающая пуля никакого отношения к самому делу не имеет: утром в этот день я выстрелила её на пари в цель...

В этой тюрьме много было пережито всего, вплоть до сознания, что завтра меня могут застрелить. Так почти и было один раз. На прогулке, вдруг, сзади меня раздаётся выстрел. Я замираю на месте, не оглядываясь.

Второго выстрела не последовало. Я оглянулась. Стоит предо мной стражник и заявляет:

– Испужались – это ничего... Нечаянно. Замок сорвался, ну и выстрелил...

Через неделю пошла я по этапу. Месяц шла по разным тюрьмам... Шла я с уголовными арестантами. Чего только не наслушалась. Обилен наш русский язык выражениями, но я нигде не слыхала ни в деревне, ни в городе, даже от пьяных людей, того, что здесь говорилось. Я уже не говорю о грязи и о фамильярности в обращении.

На одном этапе ко мне ночью вошёл старший конвойный и заявил, что желает остаться на ночь у меня:

– Веселей будет!

И уж старается обнять меня... Я крикнула на него, чтобы он вышел вон, или я буду кричать. Он мне спокойно заявляет:

– Чего кричать-то? Ведь всё равно расстреляют...

Я задыхалась от злости и полного бессилия своего. За стеной были уголовные мужчины. Он мог бы сделать всё, чего только захотел бы... В эту минуту он почему-то повернулся и ушёл.

Наконец-то меня переправили в Кскую тюрьму...

По словам Кузьмы Сторожева – старшего брата Татьяны, его сестру арестовали в Темникове, а потом повезли в Керенскую тюрьму. Узнав об аресте сестры, Сторожев вместе Александром Гумилевским – начальником боевой дружины пензенских эсеров, решают по дороге в Керенск напасть на конвой и освободить арестованную. Но хозяйка постоялого двора, на котором они остановились, заподозрила что-то и выдала их полиции. Сторожева вскоре освободили, а Гумилевского арестовали. Его и Метальникову подозревали в нападении на почтовый экипаж, во время которого был убит почтальон.

Начались допросы: после целого месяца полной неизвестности мне предьявляют моего брата и одного знакомого для опознания и с целью вызвать меня на разговор. Брат успел сказать мне, что он приехал на свиданье ко мне, и его тотчас арестовали. Самому ему удалось доказать свою непричастность тем, что он лежал в то время в больнице: ему делали операцию... Следовательно, поэтому, отказался обвинять его, и его освободили очень скоро. Впрочем, жандармы снова арестовали его через три дня и сослали административно в Сибирь на три года.

Сторожев вспоминал, что из Керенска его доставили в Пензу, освободили,

но через несколько дней вновь арестовали и выслали на три года в Тобольскую губернию. Злая ирония судьбы – как и муж пламенной революционерки, её брат впоследствии тоже будет завербован жандармами, чем причинит существенный ущерб пензенским эсерам⁴.

Наконец, в первых числах января везут меня в губернский город – судить. Надо заметить, что сначала нас хотели судить простым окружным судом; затем – судебной палатой; и, в конце концов, решили предать суду Военно-Окружному.

Вот и суд... По лестницам идем куда-то вверх. Привели в какую-то комнату. Велика была наша радость: комната эта оказалась выходящей окнами прямо в центр города, в сквер: кучками сидят там люди. Вот они подходят к решетке, и я всех узнаю, вижу даже знакомых из моего села; все приветливо кланяются... Ищу в толпе мать, но её нет...

Вот объявляют: «Вести подсудимых...» Нас ведут.

Помещалось здание суда на горе, самый зал был на третьем этаже. Из него через город видна железная дорога, а еще дальше – громадная поляна, не успевшая еще высохнуть после разлива и блестящая на солнце, словно серебром, своими болотами... За поляной, далеко-далеко, словно темной горой, подымается сосновой бор...

В начале XX в. Пензенский окружной суд находился в трёхэтажном здании на линии Присутственных мест (ныне ул. Белинского). Это исторический центр города. Окна здания с одной стороны выходят в сквер им. Лермонтова, который был заложен ещё в XIX в. Из окон с другой стороны открывается вид на реку, остров Пески и железную дорогу.

Весь суд является сплошной комедией, и описывать его я не стану... Решение было вынесено быстро и категорически: Признать виновными всех подсудимых... Такого-то (товарища) и (такую-то/меня) лишить всех прав состояния и предать смертной казни через повешение.

При этом суд постановляет в силу смягчающих вину обстоятельств ходатайствовать перед главнокомандующим о замене смертной казни 15 годами каторги. Эта замена и была произведена, причём – маленькая подробность: объявлено мне было об удовлетворении ходатайства суда через полтора месяца со дня приговора, так что в течение полутора месяцев и я, и мать каждый вечер ложились с тем, чтобы на утро встретить казнь...

За нападение на почтовый экипаж и убийство почтальона Метальникова и Гумилевский были приговорены к смертной казни, которую заменили каторгой. «Т.М.» нигде не сообщает, за что ей вынесли столь суровый приговор. Лишь в одном месте она уклончиво замечает: «Впрочем, о самой моей революционной деятельности за эти первые 3 месяца я, всё же, умолчу».

Андрэ Савин пишет, что после суда «Т.М.» попала в тюремную больницу, из которой ей удалось сбежать. Затем она уехала в Париж. Татьяна Метальникова была

отправлена в пензенскую психиатрическую больницу, откуда сбежала и скоро очутилась в Париже, где работала полировщицей и шофёром⁵. Впоследствии вернулась в Россию и участвовала в Октябрьской революции. Впрочем, «светлое будущее», за которое она так самоотверженно боролась, обернулось для неё арестом в 1938 г. и гибелью в застенках. Её бывший муж, как и соратник по партии Гумилевский, были расстреляны в конце 1930-х годов. Революция пожирает своих детей.

Примечания

1. Пензенская энциклопедия. Пенза, 2020. Т. 2. С. 767.
2. Там же.
3. *Меньщиков Л.П.* Охрана и революция. М. 1932. Ч. 3. С. 77.
4. История становления Пензенской юридической школы. Пенза. 2017. Кн. 2. С. 142.
5. *Архангородский М.* Он правды всей душой искал. Пенза. 2009. С. 55.

М.Л. Савина

У ДОСКИ И ЗА СТАНКОМ

Стаж моей педагогической работы – 34 года. Из них 27 лет – в Пензенском педучилище (ныне колледж). Все эти годы вела кружок «Искатели». Вместе с учащимися группы, у которой была классным руководителем, собирали материал по истории училища: разыскивали выпускников прежних лет, устраивали встречи – «10 лет спустя», «20 лет спустя», записывали воспоминания.

К 30-летию Победы, по совету мужа, писателя-краеведа Олега Михайловича Савина, собрали воспоминания ветеранов-преподавателей о том, как они работали в годы Великой Отечественной войны.

Участники трудового фронта: А.С. Тутёнкова, А.Н. Аристова, А.В. Дунаева,

И.М. Маринчева, Е.В. Гущина, В.И. Берсенева – рассказали.

Старейший педагог – Анна Никитична Аристова: «Я работала заведующей районного отдела народного образования в Каменке. С первых дней войны мужчины-учителя ушли на фронт. Сразу сказались нехватка педагогов. На носу новый учебный год. Где их взять?»

В город с каждым днём прибывали эвакуированные с западных областей женщины. В горсовете узнала, кто из них учителя. Всех переписала, встретила, распределила по школам, устроила по квартирам, добилась, чтобы все члены семьи получили продуктовые карточки на работающих и иждивенцев. Год начали успешно: срыва занятий не было.

Сёла области тогда ещё были не электрифицированы, не радиофицированы. Но люди должны были знать о событиях на фронте. При районе была создана агитбригада для проведения идеологической работы в сёлах. Она выступала с концертами и лекциями. Свою лекцию я заканчивала словами: «В Отечественную войну 1812 года русский народ разгромил считавшуюся в Европе непобедимой армию Наполеона. Разгромит и полчища Гитлера. Так будет!»».

Ирина Михайловна Маринчева вспоминает свой трудовой фронт: «Только окончила 9 классов – война. Через две недели я уже была сборщицей на конвейере завода им. Фрунзе, в цехе 5-Б. Мы делали взрыватели для авиабомб и артиллерийских снарядов. Мама давала мне на обед кусочек хлеба и стакан молока; больше ничего не было, детей в семье пятеро, я – старшая. Через каждые два часа работы – перерыв. И я съедала свой «обед» задолго до конца смены. Всё время хотелось есть. Так уставали, что и домой идти не было сил: ночевали прямо в цехе. Мы жили около Пензы-1. В здании железнодорожного техникума размещался госпиталь. Когда прибывал эшелон раненых, нам стучали в окна, чтобы шли разгружать. И мы, подружки-соседки: я, Нина Воробьёва, Нина Евстигнеева, брались за носилки».

Перед войной Ирина познакомилась с Колей Маринчевым. Он окончил лётное училище и до конца войны служил в авиационном полку механиком. Ирина всю войну ждала своего суженого. И дождалась. Вместе вырастили детей: сын – врач-анестезиолог, дочь – педагог. На золотой их свадьбе отплясывали два внука и внучка.

Евгения Васильевна Гущина – человек весёлый, любящий шутку, вспоминает: «Уже целая жизнь прошла с тех далёких военных лет. Всё плохое забылось, а помнится хорошее. В 17 лет пришла я на завод им. Фрунзе. Работала в цехе зачистки деталей. Смена – 17 часов, один день недели – 18. Ночью сидишь за столом, руки

работают, а голова сама падает на стол. Испортишь деталь – мастер матом кроет, а женщины за меня заступаются».

Накануне войны Вера Ивановна Берсенева окончила только 6 классов. «С первых военных дней, – вспоминала она, – работала на предприятии артели “Двигатель”. Была прессовщицей, изготавливала детали, необходимые для комплектования ящиков к боевым снарядам. Зимой цех не отапливался: руки примерзали к металлу. Как-то раз у пресса оторвался ремень, и, чтобы я не простаивала, мастер послал меня зачищать алюминиевые ложки для солдат». Вместо 50-ти по норме Верочка (так звали её в цехе за молодость и маленький рост) сделала 95 штук. «Живая ты девчонка, – сказал мастер Иван Яковлевич, – и руки у тебя золотые».

Хоть и не была Вера Ивановна на фронте, а ранения имеет. Восемь тысяч петель надо за смену изготовить. И однажды, делая последнюю, она от усталости не успела вовремя убрать указательный палец из-под пресса: привезли её в больницу без сознания. А через две недели – снова работа. Из-за плохой освещённости через полгода вторая травма. До сих пор руки у Веры Ивановны в рубцах.

Со слезами благодарности вспоминала она, как товарищи по цеху купили ей складчину бурки (ей не в чем было ходить зимой). А весной 1945-го за хорошую работу выдали ей в награду сапоги 42 размера, а она носит 33-й, хоть прыгай в них.

Всю войну Вера Берсенева работала, а в конце стала учиться в вечерней школе. С детства мечтала стать учительницей и стала ею, окончив художественно-графическое отделение педучилища. Уже имея двоих детей, окончила институт и стала работать в родном училище.

Полученную в годы юности трудовую заcalку работники тыла пронесли через всю жизнь. В течение многих лет воспитывали они будущих педагогов, готовя себе смену, стараясь передать им трудолюбие, ответственность за порученное дело.

ЭВАКУИРОВАНЫ В ПАЧЕЛМУ

Исторически сложилось, что западные области были наиболее промышленно развитыми и густонаселенными регионами нашей страны. Они первыми подверглись нападению Германии в 1941 г. Чтобы непрерывно обеспечивать армию военной продукцией, необходимо было в сжатые сроки перевезти сотни предприятий вместе с оборудованием и работниками на восток. Эта деятельность находилась под постоянным контролем Государственного Комитета Обороны, ЦК ВКП(б), СНК СССР и вновь созданного Совета по эвакуации.

По целому ряду экономических и географических факторов для размещения людей была выбрана Пензенская область, в том числе и Пачелмский район. Решающим фактором здесь было наличие железнодорожных путей, которые шли из центра страны на Урал. Пачелма же была крупной станцией, что стало решающим обстоятельством в выборе района для эвакуации населения¹.

Первые эвакуированные стали прибывать в Пачелмский район в начале июля 1941 г. Так, 5 июля из облисполкома пришла срочная телеграмма, сообщающая, что в ближайшие дни в район направятся 1000 человек, которые должны были прибыть эшелонами на станцию Пачелма. Облисполком просил обеспечить их размещение и трудоустройство. 9 июля приходит новая телеграмма: «В ваш район направлено 400 эвакуированных, обеспечьте размещение, о трудоустройстве принятых сообщить в облисполком».

Всего за годы Великой Отечественной войны в район было эвакуировано 2260 человек:

- 254 мужчины, из них трудоспособных было 32 человека;
- 906 женщин;

– 944 ребёнка, из них дошкольного возраста 688, школьного – 256, ясельного 100 человек.

Кроме того, в детском саду в с. Черкасском находилось 56 ребят.

Наибольшее количество эвакуированных принял колхоз им. Молотова, а меньше всех колхоз «Молодежь».

В с. Черкасское был эвакуирован Всесоюзный научно-исследовательский институт авиационных материалов (ВИАМ) в составе 32 семей научных сотрудников и детского сада института. Но уже 23 июля 1941 г. Бауманский райисполком г. Москвы просил разместить в Черкасском ещё 20 человек сотрудников института и их детей.

Колхозы старались оказывать помощь эвакуированным семьям, например, 53 семьям помощь оказывали хлебом, картофелем и пшеном, а также деньгами в размере 242 руб. Оказывали помощь и районные органы власти – эвакуированным семьям было оказана материальная помощь в размере 1558 руб.

Проводилась и политико-воспитательная работа: проведено 13 собраний и 10 бесед; проводилось коллективное чтение газет³.

В районе была проблема с трудоустройством эвакуированных. С целью увеличения рабочих мест 14 июля 1941 г. Пензенский облисполком предлагал: «В целях создания лучших условий трудоустройства эвакуированных женщин срочно принять меры по организации детсадов и детских при совхозах, колхозах и предприятиях за счёт средств этих организаций. Сеть детских и детсадов должна обеспечить полностью трудоустройство женщин».

В результате был создан детский сад, куда было трудоустроено 17 женщин, прибывших из западных районов СССР. Они

работали педагогами, поварами, врачами, нянечками, уборщицами, прачками².

В документах мы обнаружили просьбы о разрешении покинуть Пачелмский район. Так, 1 ноября 1941 г. от начальника 34 отдела ВИАМ в райисполком поступила телеграмма: «Вследствие того, что конструктор нашего института В.С. Кузнецов направляется нами в длительную командировку, просим Вас дать разрешение срочно выехать в Москву его жене В.И. Никишиной с ребенком и няней из села Черкасск». В телеграмме была допущена ошибка – село называлось Черкасское.

Но это лишь один положительный пример, документов, где женщины просили разрешение уехать к родственникам в другие области, встречается достаточно много, как правило, эти просьбы отклонялись в силу сложившейся обстановки.

Очень неоднозначно складывались отношения эвакуированных с местным населением, в основном столкновения происходили из-за жилья. Только небольшой

части эвакуированных были отведены отдельные дома, в основном их размещали за счет уплотнения местного населения. Большинство безоговорочно соглашалось на подселение. Но были случаи, когда люди отказывались впускать в свои дома эвакуированных. Некоторые пытались нажиться на эвакуированных, требуя плату в размере 50–150 руб., в то время значительную сумму. Иногда заставляли беженцев отапливать помещение за свой счет. Причинами разногласий были национальная принадлежность и социальные различия. Эти случаи накаляли и без того сложную обстановку, но серьезных конфликтов всё же не случилось⁴.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 1603. Оп. 1. Д. 164.
2. Там же. Д. 172.
3. Там же. Д. 185.
4. Там же. Ф. 2038. Оп. 1. Д. 413.

И.Ф. Шувалов

С ИМЕНЕМ БЕЛИНСКОГО

(к 80-летию со дня открытия Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского)

Осенью 2019 г. Пензенский педагогический институт отметил знаменательную дату – 80 лет со дня образования. Он был открыт Распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР с 1-го сентября 1941 г. на базе учительского института, работавшего в Пензе с 1939 г., с двумя факультетами. Оба института работали вместе. И только через семь лет педагогическому институту было присвоено имя Белинского. И связано это вот с чем.

В 1948 г. страна широко отмечала 100 лет со дня смерти, как тогда считалось, основоположника революционно-демократического движения в России – Виссариона Григорьевича Белинского, детские годы которого прошли в городе Чембар

Пензенской губернии (нынешний г. Белинский). В.Г. Белинский почитался в СССР и как литературный и театральный критик, и как историк и теоретик литературы.

В ознаменование этой даты вышло специальное постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях по увековечиванию памяти В.Г. Белинского». Во исполнение этого постановления 11 мая 1948 г. приказом Министра просвещения Пензенскому пединституту было присвоено имя Белинского. С тех пор, вот уже 72 года, вуз с честью несёт это славное для нас имя великого земляка.

В институте и в области юбилейные торжества по этому случаю проводились

летом. 7 июля 1948 г. в вузе прошло торжественное собрание коллектива, а перед главным корпусом (Садовая, 37) был установлен бюст критика работы Е.Ф. Кочуашвили, обнародован приказ об учреждении стипендии имени Белинского.

А через неделю, 12 – 13 июля, в Пензе и Чембаре состоялись основные чествования, составной частью которых были литературные чтения. В них участвовали известные писатели и учёные того времени: А.А. Фадеев, И.Г. Эренбург, Ф.В. Гладков (наш земляк). И.Л. Андроников, П.И. Замойский (второй наш земляк), П.П. Вершигора, А.А. Жаров; члены Академии наук СССР: Виноградов, Алексеев, Гордлевский, Пономарёв, Успенский; члены Академии педагогических наук: Голубков, Краевский и другие. А 15 – 16 июля в Пензе прошла научная конференция, посвящённая творчеству В.Г. Белинского. На ней с докладами выступили известные литературоведы страны – Д.Д. Благой, Н.Л. Бродский; преподаватели института – М.П. Молебнов, А.М. Красноусов и другие. Выступления участников этой конференции были опубликованы в периодической печати и в юбилейном сборнике «Материалы к биографии В.Г. Белинского», среди них статьи А.М. Красноусова «Изучение жизни и творчества В.Г. Белинского в школе» и М.П. Молебнова «В.Г. Белинский и крепостной театр» и «В.Г. Белинский и Пензенский край». Вот с этих пор имя Белинского присутствует не только на грифе и печати института, но и на всех документах, исходивших из него. Оно есть на многочисленных научных, учебно-методических и других работах, издававшихся в вузе, а значит, известных далеко за его пределами. Это имя сопровождает и сопровождало все дела и начинания института. Приведём несколько примеров.

В 1961 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В.Г. Белинского. Этому юбилею в институте были посвящены два знаменательных события. Так, в мае это-

го года прошла межвузовская конференция, в которой приняли участие учёные из 13 городов страны. В ней, помимо преподавателей института, участвовали: писатель Борис Полевой, профессора из Москвы: В.И. Кулешов, М.Я. Поляков, Я.А. Роткович (Куйбышев); пензенский писатель В.А. Садовский; сотрудники музеев Москвы и Пензы. Был издан юбилейный сборник научных статей, выпущен документальный фильм «Здесь жил Белинский».

А в январе этого же года в город Белинский был совершён звёздный лыжный агитпоход студентов института, посвящённый этой знаменательной дате. В походе участвовали четыре отряда – 38 человек, которые в течение недели во многих населённых пунктах области провели большую агитационную работу, в том числе читали лекции и проводили беседы о жизни и творчестве Белинского.

В 1978 г. проведена Всесоюзная научная конференция, посвящённая памяти Белинского (130 лет со дня смерти) с участием ведущих белинсковедов страны: В.И. Кулешова, М.Я. Полякова, С.И. Машинского, У.Р. Фохта; пензенских краеведов: П.Ф. Максяшева, В.П. Арзамасцева и других. И, конечно, учёных из пединститута. В 2006 г. в педуниверситете (с 1994 по 2012 гг.) состоялась Всесоюзная научная конференция «Актуальные вопросы изучения критического наследия В.Г. Белинского на современном этапе», на которой были представлены более 70 докладов из 18 городов России. К конференции была выпущена специальная газета на 6 полосах тиражом 500 экземпляров, посвящённая творчеству критика. В ней приняли участие как преподаватели университета: Г.Е. Горланов, А.Ю. Казаков, Т.Ф. Носова, И.П. Щерблыкин, так и студенты факультета: А. Гришина, Л. Коряжкина, И. Пустова, Е. Рева, О. Русишвили и другие. В мае 2011 г. проходила Международная научная конференция в связи с 200-летием со дня рождения Белинско-

го, на которой работали четыре секции. В г. Белинском с участием преподавателей университета и гостей конференции состоялся «круглый стол». Вышел юбилейный сборник научных работ.

Подобные конференции и другие мероприятия проходили в вузе регулярно. Выходили сборники научных статей, специальные работы, посвящённые творчеству критика. Так, например, в 1984 г. выпущен республиканский сборник «Влияние В.Г. Белинского на развитие русской реалистической литературы», в 1998 г. – сборник «Вопросы изучения творчества В.Г. Белинского на современном этапе». В 2002 г. вышла книга доцента ПГПУ им. В.Г. Белинского В.И. Стрельцова «В.Г. Белинский о взаимодействии русского и западноевропейского романтизма». С этой проблемой пересекаются его кандидатская и докторская диссертации. К 205-летию критика (2016 г.) профессор Пензенского государственного университета (ПГУ) Г.Е. Горланов в журнале «Пензенское краеведение» опубликовал обширную статью «Помянуть печатно его не смели...», а 2018 г. издал монографию «В.Г. Белинский. Поиски истины», получившую высокую оценку среди учёных-литературоведов. В мае 2020 г. Литературный музей г. Пензы провёл Международную видеоконференцию «Наш Белинский». В ней участвовали и преподаватели института: доцент А.А. Тимакова, заведующая кафедрой литературы и методики её преподавания, и профессор кафедры журналистики И.Ф. Шувалов. Материалы конференции были размещены на сайте музея.

Большую роль в учебно-воспитательном процессе института играла и стипендия им. В.Г. Белинского. Интересна судьба некоторых её обладателей. На неё назначались с 1948 г. студенты старших курсов. Сначала это были только литераторы. Но с 1960-х гг. на эту стипендию стали назначаться студенты и других специальностей. Первым стипендиатом

им. Белинского была студентка факультета русского языка и литературы Нина Кузнецова. Подобными стипендиатами в разные годы были десятки студентов, ставшие после окончания института заслуженными учителями школ, кандидатами наук, ведущими специалистами в области своих знаний.

Факультеты ими гордились, ставили в пример, их фотографии находились на Доске почёта института. Так, А. Айкашев, студент 3-го курса факультета физвоспитания, после его окончания в 1960-е гг. стал деканом этого факультета; А. Казаков, студент 3 и 4 курсов физико-математического факультета (1960-е гг.), после окончания института стал кандидатом наук, профессором, работал заведующим кафедрой, деканом физмата, 20 лет (с 1989 по 2009 г.) был ректором родного института; И. Шувалов, 3-й курс историко-филологического факультета (1950-е гг.), в 1970-е годы защитил кандидатскую диссертацию, работал деканом факультета, проректором по учебной работе института (1985 – 2000 гг.), заведующим кафедрой русского языка и журналистики. И таких примеров можно привести десятки¹.

Имя Белинского было связано не только с учебным и научным процессом в институте. Оно повседневно встречалось на портретах и картинах в кабинетах и аудиториях вуза, было представлено произведениями материальной культуры на территории института. Первый такой знаменательный знак появился через месяц после присвоения вузу имени Белинского. 7-го июля 1948 г. перед учебным корпусом на улице Садовая 37 (теперь ул. Лермонтова) был установлен гипсовый бюст критика работы Е.Ф. Кочуашвили. К сожалению, он от времени разрушился, но такой бюст можно увидеть по соседству в городском парке культуры и отдыха им. В.Г. Белинского. Вместо разрушившегося бюста в 1994 г. перед новым главным корпусом пединститута был установлен памятник «Юный Белинский» работы

скульптора Н.А. Матвеева. Перед ним любят обязательно фотографироваться выпускники института. Кроме того, в коридоре физико-математического факультета вплоть до начала XXI в. стояла гипсовая скульптура «Белинский гимназист» (скульптор Г.И. Малов), изображавшего юного критика во весь рост. Оригинал этого памятника из бронзы и гранита был установлен в 1965 г. в г. Белинский Пензенской области. Таким образом, имя Белинского сопровождает студентов института с момента поступления их в вуз и до времени выпуска из него.

И мы вправе гордиться тем, что наш вуз носит имя «неистового Виссариона». Правда, в 1990-е годы один из московских журналистов, посетивший в то время пединститут, высказал целесообразность имени Белинского в названии вуза и памятника возле него (мол, время не то и оценка критика изменилась). Однако ректорат и общественность института не согласились с таким мнением. Отстояли имя Белинского в названии вуза и после присоединения его в 2012 г. к Пензенскому государственному университету.

За годы после присвоения институту имени В.Г. Белинского вуз сделал громадный скачок в своём развитии, превратившись к середине 1980-х гг. из захудалого провинциального института, стоявшего на грани закрытия, в передовое учебно-педагогическое заведение². В 1981 г. он был признан победителем Всесоюзного соревнования среди высших учебных заведений страны (в нём было уже шесть учебных факультетов), а в начальные годы XXI столетия неоднократно входил в число

лучших вузов России и в 2006 г. получил международную награду под названием «Европейское качество». В нём в 2009 г. было 12 учебных факультетов, в том числе четыре непедагогического профиля, более 11 тыс. студентов и хорошая материально-техническая база. На 63 кафедрах работали 714 преподавателей. Из них 64,5% были дипломированными специалистами, среди которых 81 чел. (11,3%) были докторами наук, профессорами³.

После присоединения (2012 г.), в составе Пензенского государственного университета, Педагогический институт им. В.Г. Белинского не потерял своё лицо, сохранил своё имя и имидж, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, свои наработки и традиции в учебно-воспитательном процессе. И в новых условиях, с новыми требованиями, но с именем Белинского, он успешно продолжает подготовку педагогических кадров.

Примечания

1. Энциклопедия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Пенза, 2009. С. 96–97.
2. Казаков А.Ю., Власов В.А. и др. От учительского института до педагогического университета (История ПГПУ им. В. Г. Белинского: 1939–1999 гг.). Пенза, 1999.
3. Шувалов И.Ф. Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского (хроника 2006–2012 гг.). Пенза, 2016. С. 5.

Е.Ю. Ягодина

БУНИНЫ, САВРАСОВЫ МОКШАНСКОГО УЕЗДА...

Фамилия – наследственное имя семьи, она позволяет полнее представить исторические события, проследить маршруты больших и малых миграций. Уже восемь

лет в Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) создаётся электронный информационный ресурс, содержащий генеалогические документы региона. Он

предназначен для проведения исторических исследований и поиска сведений о генеалогии жителей Пензенского края.

К концу 2013 г. оцифровано 53000 карточек, которые содержат информацию о фамилиях, именах, отчествах, местах проживания и составе семей респондентов или «домохозяев». В карточках отражен состав крестьянских семей по состоянию на 1917 г. Такие данные считаются наиболее востребованными при генеалогических исследованиях. Оцифровку проводит корпорация «Элар», которая создает электронную базу данных «Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. по Пензенской губернии».

На основе анализа тематических карточек мы решили провести анализ фамилий сёл Мокшанского уезда с целью изучения уровня миграционных процессов в уезде и выявление господствующего типа семьи и общества в целом.

Трудность работы заключалась в том, что нам предстояло работать с огромным массивом информации. Поэтому мы разработали методику проведения подсчета: изучили карту Мокшанского уезда первой четверти XX в. и выбрали группы сел, пофамильный анализ которых помог бы нам решить задачу.

Данные группы формировались по территориальному признаку. Было сформировано четыре группы сел, которые находились в непосредственной близости друг от друга. Это помогло бы изучить степень распространения фамилий в соседних, достаточно близких друг к другу селах, а также в отдаленных селах. И отдельно взяли отдаленное от этих сел Елизаветино.

У нас получились следующие группы:

- 1) Группа № 1 – села Чернозерье и Бекетовка;
- 2) Группа № 2 – Пешая и Конная слобода, Юровка;
- 3) Группа № 3 – Симбухово, Знаменское, Михайловка, Богородское, Ломовка;
- 4) Группа № 4 – Муратовка, Царевщино и Юлово.

В начале XX в. Россия оставалась государством с преобладанием аграрного сектора в экономике, в котором была занята подавляющая часть населения страны. В начале XX столетия в отечественной статистике впервые были проведены сплошные сельскохозяйственные переписи – в 1916, 1917, 1920 и 1923 гг. Причинами проведения переписи были необходимость обновления данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. для нужд продовольственной кампании в Первой мировой войне, а также потребность в точных данных по землевладению и землепользованию в связи с продолжающейся аграрной реформой П.А. Столыпина. Перепись проводилась с мая по октябрь 1917 г.

Программа переписи, разработанная Отделом переписи при Управлении делами Особого совещания по продовольствию, была утверждена на Всероссийском съезде земских статистиков 18–21 апреля 1917 г. в Москве. В июне 1917 г. Отдел переписи выработал и разослал на места программу и инструкции для предварительной разработки материалов переписи.

По плану перепись должна была охватить всю территорию страны, кроме Финляндии и территории, занятой неприятелем. Перепись 1917 г. регистрировала сведения: число хозяйств; состав семьи; численность и виды скота; размеры посеваемых площадей по культурам, земельной площади и угодьям; размеры землевладений и землепользований с подразделением земель на наделные, купчие по формам землевладения; аренда и сдача земли; наличие сельскохозяйственного инвентаря, промышленного и торгового заведения.

Наиболее полная публикация итогов сельскохозяйственной переписи под заглавием «Поездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи по 57 губерниям и областям» была осуществлена в 1923 г. В ней была

представлена и Пензенская губерния, в которую входил изучаемый нами Мокшанский уезд.

Мы же работали с подворными карточками, из которых мы взяли информацию о фамилиях жителей сел Мокшанского уезда. Этот перечень позволил нам прийти к определенным выводам по поводу уровня миграции в уезде к 1917 г.

Стоит отметить, что до середины XIX в. большинство населения России фамилий не имело. Прозвища и отчества – вот что, помимо имен, выполняло для наших предков функцию социального знака. Прозвища давались людям их родственниками, соседями, сословным и социальным окружением и были связаны с характерными чертами. Когда в России пало крепостное право, перед правительством встала серьезная задача. Нужно было дать фамилии бывшим крепостным крестьянам, которые до того их, как правило, не имели. Так что периодом окончательного «офамиливания» населения страны можно считать вторую половину XIX в. Одним крестьянам давали полную или измененную фамилию их бывшего владельца, помещика – так появлялись целые деревни Поливановых, Гагариных, Воронцовых, Львовкиных. Другим в документе записывали «уличную» фамилию, которая у иной семьи могла быть и не одна. У третьих в фамилию превращали отчество. Но весь этот процесс был весьма сложен, нередко люди продолжали обходиться без фамилий.

Мы проанализировали пофамильные списки 14 сёл Мокшанского уезда: Бекетовка, Ломовка, Богородское, Елизаветино, Знаменское, Михайловка, Конная слобода, Пешая слобода, Муратовка, Царевщино, Чернозерье, Юлово, Юровка, Симбухово. В итоге мы получили следующие результаты.

Распространённые фамилии и количество дворов с этой фамилией в Бекетовке: Мешлиниковы – 27 дворов; Заикины

– 10 дворов; Курочкины – 8 дворов; Маринушкины – 6 дворов; Булаевы – 6 дворов; Павлеевы – 6 дворов.

В Чернозерье: Зыбины – 21 двор; Жилыевы – 14 дворов; Болдыревы – 11 дворов; Шмелевы – 10 дворов; Крюковы – 9 дворов; Чистородовы – 9 дворов; Турукины – 8 дворов; Кузнецовы – 7 дворов.

В Знаменском: Прохоровы – 19 дворов; Железновы – 18 дворов; Петровские – 8 дворов; Мочалины – 6 дворов.

В Михайловке: Кувяткины – 16 дворов; Новиковы – 15 дворов; Шадрины – 3 двора; Чернецовы – 12 дворов; Социловы – 11 дворов; Гоголины – 11 дворов.

В Симбухове: Прохожевы – 16 дворов; Кривенковы – 14 дворов; Печеновы – 10 дворов; Потины – 9 дворов.

В Ломовке: Земцовы – 35 дворов; Кусакины – 28 дворов; Макаровы – 17 дворов; Шумилины – 16 дворов; Зайцевы – 13 дворов; Свинолуповы – 13 дворов; Земцевы – 12 дворов.

В Богородском: Молотовы – 26 дворов; Разживины – 14 дворов; Солдатовы – 13 дворов; Тарутины – 11 дворов; Вавяевы – 10 дворов; Крупкины – 10 дворов; Костыгины – 9 дворов; Глумские – 6 дворов; Глумсковы – 6 дворов.

В Муратовке: Бунины – 16 дворов; Кочетковы – 16 дворов; Галовы – 15 дворов; Козловы – 15 дворов; Шавалдины – 10 дворов; Портянкины – 8 дворов.

В Юлове: Маренины – 26 дворов; Мандыгины – 10 дворов; Терёхины – 9 дворов; Костромины – 9 дворов.

В Царевщине: Зубаевы – 15 дворов; Листковы – 10 дворов; Носовы – 15 дворов; Устинкины – 8 дворов; Колейкины – 6 дворов.

В Конной слободе: Селезневые – 27 дворов; Бердниковы – 25; Чугуновы – 25 дворов; Бочкарёвы – 23 двора; Серебряковы – 22 двора; Плетминцевы – 20 дворов; Барышевы – 19 дворов; Миловановы – 18 дворов; Удинские – 17; Щеголихины – 16 дворов; Русиновы – 16 дворов; Гастенины – 15 дворов; Тельновы – 15 дво-

ров; Долговы – 11 дворов; Мартыновы – 11 дворов.

В Пешей слободе: Чупшевы – 47 дворов; Кузьмины – 43 двора; Горбуновы – 33 двора; Малухины – 26 дворов; Швецовы – 24 двора; Тесемниковы – 22 двора; Шумиловы – 19 дворов; Саврасовы – 18 дворов; Соврасовы – 18 дворов; Паршневые – 16 дворов; Мордвинцевы – 16 дворов; Ягодины – 13 дворов; Егоровы – 12 дворов; Анисимовы – 10 дворов; Железниковы – 10 дворов; Кирпичниковы – 10 дворов; Пресняковы – 10 дворов; Макаровы – 9 дворов.

В Юровке: Хавроньины – 17 дворов; Ховронины – 6 дворов; Пигузовы – 11 дворов; Писаревы – 10 дворов; Торгашевы – 9 дворов.

В Елизаветине: Гордины – 10 дворов; Зайцевы – 8 дворов; Мокровы – 6 дворов; Марковы – 5 дворов.

Мы проанализировали фамилии жителей мокшанских сёл по следующим направлениям: выявили доминирующие фамилии; определили степень распространения фамилий за пределами села.

В итоге мы пришли к следующим выводам: в каждом селе сложились свои доминирующие фамилии, которые стали «родовыми» фамилиями этих сёл. Ни одна из доминирующих фамилий не встречается в остальных селах, в том числе близлежащих. Это связано с господством патриархального уклада, при котором девушка, выходя замуж, переезжала в село к мужу. Поэтому фамилия и закреплялась за конкретным селом. Сравнивая близлежащие сёла в группе сел № 1 мы выявили два совпадения (фамилия Горанин встречается в Богородском и Знаменском, а фамилия Волков встречается в Знаменском и в Михайловке), в группе № 2 выявили три совпадения (фамилия Вертаев в Конной и Пешей слободах, фамилия Горбунов и фамилия Катков и Котков (вероятно это одна и та же фамилия, только в ней допущена ошибка при записи). Надо отме-

тить, что в Юровке, которая находилась недалеко от Конной и Пешей слобод совпадений фамилий с ними нет. В группе № 3 наблюдаются 3 совпадения (фамилия Маренин в Муратовке, Царевщине и Юлове, фамилия Галов в Муратовке и Царевщине, фамилия Аношин (хотя в Муратовке это Аношин, а в Царевщино это Анашин).

В 7 селах (50%) встречается фамилия Кузнецов (в Елизаветине, Ломовке, Михайловке, Муратовке, Симбухове, Чернозерье, Юлове). Это подтверждает информацию о том, что южнее и восточнее Москвы – от Верхней Оки до Средней Волги – самая частая фамилия Кузнецов.

Таким образом, проанализировав фамилии в сёлах, а именно: их удельный вес и распространение за пределами села, мы пришли к выводу:

– уровень миграции к 1917 г. в сёлах Мокшанского уезда был низкий. Об этом свидетельствуют низкая степень распространения фамилий за пределами данного села и наличие доминирующих фамилий;

– преобладал патриархальный уклад (жена переезжала в село к мужу и фамилия оставалась в селе, возникала новая семья с такой же фамилией);

– низкий уровень миграции один из показателей господства традиционного общества, которое ещё оставалось господствующим в 1917 г. в сельской местности данного уезда.

Мы живем в XXI в., а фамилии, распространенные в 1917 г., живы. Интересен факт, что по-прежнему в Елизаветине живут Марковы, в Чернозерье – Жиляевы, в Муратовке – Галовы. Таким образом, налицо закреплённость фамилий за населённым пунктом существует до сих пор. И часто слышится, что Бунины – это муратовские, а Мочалины – знаменские. И это делает людей ближе и роднее, потому что их объединяют общие корни, общая земля, общие предки.

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ

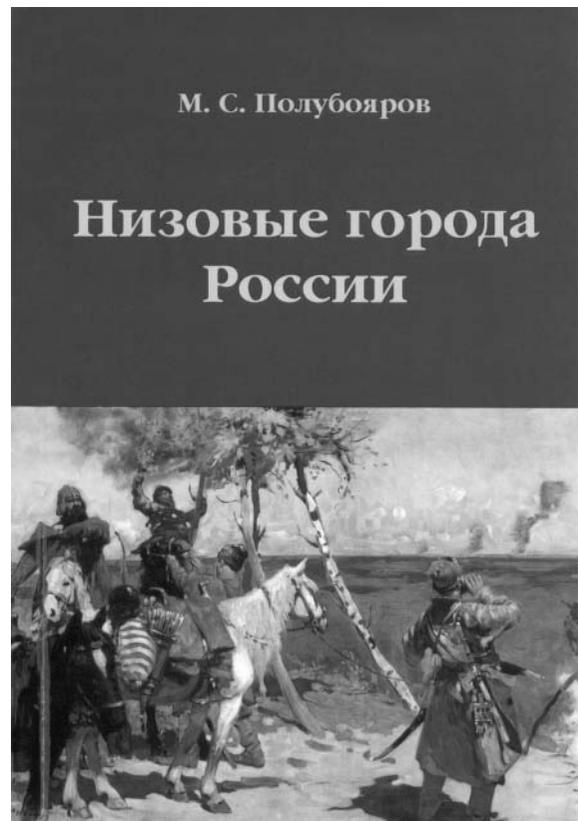
В.И. Первушкин

М.С. ПОЛУБОЯРОВ. «НИЗОВЫЕ ГОРОДА РОССИИ»

2021 г. порадовал нас новой книгой известного краеведа Михаила Сергеевича Полубоярова, давно и хорошо знакомого читателям нашего журнала. Она посвящена созданию на юго-востоке Московского государства сети оборонительных сторожевых линий, препятствовавших проникновению неприятеля в глубь его территории.

Книга «Низовые города России. По материалам Оружейного фонда Российского государственного архива древних актов» написана на основе ценнейших архивных источников, извлеченных автором из фондов московского архива. Труд М.С. Полубоярова является важным вкладом в дело изучения Поволжья XVII–XVIII вв. Документы по этому периоду сохранились в основном в центральных архивах. Поэтому публикация известного краеведа устраняет значительный пробел в жизни Поволжского региона начала XVIII столетия.

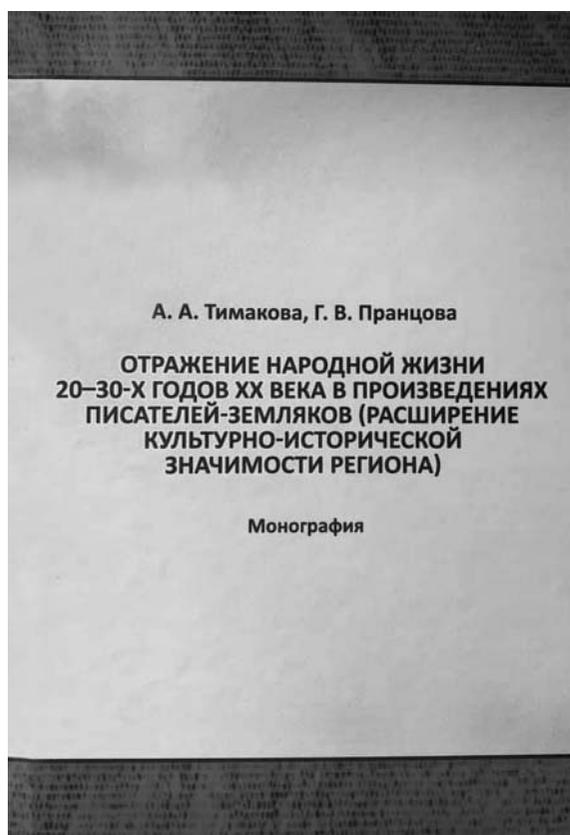
Из «Описи низовых городов», в число которых попали: Казань, Симбирск, Самара, Пенза, Саранск, Саратов, Царицын, Астрахань – с их округами; удалённые от Волги Уфа, Темников, Кадом, мы узнаём о состоянии оборонительных сооружений крепостей и острогов, находящихся в них арсеналах. Сам перечень внесенных в опись населённых пунктов позволяет иначе взглянуть на топографию региона,

процесс государственной колонизации края. Сообщаемые в документе данные обмеров укреплений предоставляют нам уникальные сведения для истории русского оборонительного зодчества, создают основу для создания на их основе макетов и полномасштабных реконструкций старинных городов региона.

Следует заметить, в полном объёме этот уникальный документ публикуется впервые.

**МОНОГРАФИЯ А.А. ТИМАКОВОЙ И Г.В. ПРАНЦОВОЙ
«ОТРАЖЕНИЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ-ЗЕМЛЯКОВ
(РАСШИРЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЗНАЧИМОСТИ РЕГИОНА)»**

При поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) была подготовлено и опубликовано монографическое исследование, посвященное специфике отражения народной жизни 20–30-х гг. XX в. в произведениях Ф.В. Гладкова, В.Я. Зазубрина, П.И. Замойского и А.Г. Малышкина. На основе выявленных атрибутивных характеристик жизни народа в указанный период создана мультипликативная модель актуализации фактов литературной жизни региона для расширения его культурно-исторической значимости, предложены варианты ее реализации.

Издание адресовано преподавателям филологических дисциплин, аспирантам, учителям-словесникам, разработчикам туристических программ, экскурсоводам и всем интересующимся культурой, литературой и историей Пензенского края.

Сведения об авторах

Кладов Виктор Юрьевич – к.и.н., заместитель директора по научной работе Пензенского государственного краеведческого музея.

Лубошникова Юлия Сергеевна – студентка историко-филологического факультета ПГУ.

Мещерякова Светлана Евгеньевна – студентка историко-филологического факультета ПГУ.

Мурашов Дмитрий Юрьевич – к.и.н., ученый секретарь Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова.

Никушкин Сергей Александрович – заместитель директора по учётно-хранительской деятельности Пензенского государственного краеведческого музея.

Новинская Таисия Юрьевна – к.и.н., доцент ПензГТУ.

Первушкин Владимир Иванович – д.и.н., профессор, проректор по научной работе ИРР ПО, председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, член президиума всероссийского Совета Союза краеведов России.

Руднева Любовь Михайловна – научный сотрудник Государственного музея-усадьбы В.Г. Белинского.

Савина Мария Леонидовна – писатель и краевед (г. Пенза).

Самсонов Владислав Юрьевич – корреспондент газеты «Наша Пенза», член Союза писателей Российской Федерации, член Союза журналистов Российской Федерации, руководитель клуба «Лабиринт».

Соболев Александр Николаевич – краевед, г. Заречный Пензенская область.

Сохряков Александр Григорьевич – директор МБУК «Музей заповедник» Наровчатского района Пензенской области.

Суетин Дмитрий Владимирович – внештатный сотрудник Пензенского государственного краеведческого музея.

Устимкина Татьяна Владимировна – специалист по просветительской работе Пензенского литературного музея.

Шариков Анатолий Георгиевич – к.и.н., доцент ПГУ.

Шувалов Иван Федорович – к.ф.н., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Ягодина Екатерина Юрьевна – студентка историко-филологического факультета ПГУ.

Корректор — М.Л. Савина

К сведению авторов

С требованиями к оформлению статей для журнала вы можете ознакомиться на сайте Региональной общественной организации краеведов Пензенской области:

www.kraeved-pnz.ru

Подписано к печати 26.06.2020. Формат 60x84/8.

Бумага писчая белая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 300 экз. Заказ № 410.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Соколова А.Ю.:

440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. 3

